

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 5 (7) 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

**Главный редактор –
Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: askorgav@mail.ru**

Редакционная коллегия

Литературный редактор –
Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –
Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,
технический редактор –
Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru
специалист по связям с общественно-
стью – Игорь Владимирович Табаков,
e-mail: igor.tabakov@mail.ru
секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,
e-mail: ninavs@mail.ru

Художник Ольга Кузьмина

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 2.09.2021. Фор-
мат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 7,6. Тираж 500 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Аркадий Кошко. Гнусное преступление (продолжение).....3

ПОЭЗИЯ

Вячеслав Свиридов. Сообразно чуду 16
Аглая Смородина. В стиле ретро 20

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Елена Чебалина. «Мой друг, какие наши годы?..» 24
Елена Погорелая. Облака позолочены солнцем 25
Ольга Кузьмина. Жить 25
София Конищева. «Ну, давай о книгах, о чём ещё...» 26
Татьяна Нестерова. Верность оловянного солдатика 26
Дмитрий Шилов. Как дышится легко, свободно 27
Ольга Козель. Приснился мне голодный год 27
Александр Чернюк. Пьяный ветер 28

ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА

«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2020»

Татьяна Потёмнина. Цыганка..... 29
Олег Карев. «Мне сердце вновь чарует осень...» 30
Ольга Корчагина. Слово-семья 30
Непокорённый..... 31
Антон Хрулёв. Советскому солдату 32
Галина Акимова. Новый день весны 33
Александра Филатова. Александра – Александр..... 34

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Кукаев, Сергей Леонтьев, Лидия Терёхина.
Правду убить нельзя 35
Сергей Арутюнов. Неотменимая ценность (продолжение) 44

ЮМОР

Андрей Лядов. Модная стрижка 47

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валентина Алемайкина. Д. И. Менделеев и Калмыковы
из Мордовской Норки 50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Вячеслав Киктенко. Написана грамотка по синему бархату 54

НОВЫЕ КНИГИ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Татьяна Сычёва. Полёты во сне и наяву 61

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Елена Ноник. Вселенская сказка 64
Весенняя сказка 65
Алёна Шомысова. Зонттик 66

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Святослав Кучер. Было так 67

Международное общественное движение

«СУВОРОВСКИЙ ПОЛК»

Александр Кукаев, Михаил Лермонтов. Проект «Сурский край
родина героев и победителей». «Музей спецназа всемирной
казачьей славы имени М. Ю. Лермонтова» 70

СОБЫТИЯ. ДАТЫ..... 75

ПРОЗА

Аркадий Кошко

Аркадий Францевич Кошко – известный русский сыщик и криминалист, московский «Шерлок Холмс» (1867–1928).

От редакции. Мы получили этот рассказ из Франции от внука пензенского губернатора И. Ф. Кошко (с 1907 по 1910 г. включительно) Дмитрия Борисовича Кошко, Кавалера российского Ордена Дружбы, известного французского журналиста и общественного деятеля: «Вот материал, который Вас должен заинтересовать. Это один из рассказов моего прадеда из его книги, которая переиздана под названием «Воспоминания русского Шерлока Холмса» в издательстве Росспен в 2019 году». Д. Кошко.

Гнусное преступление (продолжение)

Быстро были расставлены тарелки, стаканы, вилки и ножи, и мы весёлой гурьбой засели за пир. Меня посадили на председательское место, справа Знаменская, слева одна из гимназисток, остальные расселись как попало. Не буду передавать вам, господин начальник, подробно наших разговоров, говорилось много вздору, портниха сыпала скабрёзными шутками, подталкивала меня ногой под столом, подмигивала на мою соседку. Все присутствующие пили изрядно, но сама Знаменская повергала меня в тревогу: она хлопала стакан за стаканом, не мигая, и заметно хмелела. Из Николая Александровича я стал для неё Колей, её рискованные вначале остроты скоро превратились в площадные циничные шутки. Меня брал страх: насвищется эта скотина – и тогда ничего от неё не выудишь. К счастью, вскоре она заявила: «Коленька, может быть, ты желаешь посекретничать с кем-нибудь из них, так сделай одолжение, – вся моя квартира, как ни на есть, к твоим услугам. Я ответил: «Нет, секретов у меня к ним нет, а вот с тобой поговорить бы следовало, да только с глазу на глаз».

– За чем же дело стало? Поговорим в лучшем виде!

И, обратясь к своему «пансиону», она весело крикнула:

– Эй, детки, забирайте коробку конфет, да и марш подальше, а ежели какая из вас понадобится – позову!

Девочки, забрав конфеты, гурьбой высыпали из комнаты. Знаменская, пытаясь придать некоторую серьёзность своему пьяному лицу, встала, нетвёрдой походкой прошла к дверям, плотно закрыла их и, вернувшись к столу, села:

– Я слушаю вас. Что скажете, Николай Александрович? – деловито заговорила она.

– А вот что я вам скажу, любезная Марья Ивановна: я, конечно, не без приятности провёл время с вашим выводком, но только всё это не то: и водку-то они хлещут, и подмазаны изрядно, а я, знаете ли, человек избалованный, всяких видов в жизни навидался. Вкус у меня тонкий, и первой попавшейся юбкой меня не прельстишь.

– Так, – сказала портниха, – понимаю. Вас, стало быть, на «ландыш» потянуло.

– Вот именно! Вот именно!

– Ну что ж, опишите ваш вкус, может, и найдём.

Покачав головой, я ответил:

– Просто не знаю, как и описать, дело нелёгкое. – Подумав, я продолжал:

– Найдите вы мне, Марья Ивановна, этакую блондиночку лет пятнадцати, с фарфоровым личиком, льняными волосами, точёными ручками и ножками, с эдакими большими синими глазами, и чтобы в глазах этих была постоянная жемчужная слеза. Покажешь ей палец – она плачет, покажешь ей два – рыдает, а главное, чтобы по внешнему виду была бы ангелом чистоты и непорочности, – продолжал я, всё более увлекаясь, – но, вы понимаете, дорогая моя, что ангелом небесным она должна быть лишь по виду, на самом же деле в ней должен дремать никем не разбуженный ещё темперамент гетеры, Мессалины, ну, словом, посмотришь на неё, и дух захватывает.

И, закатив глаза, я, симулируя экстаз, судорожно скомкал левой рукой скатерть, правой ущипнул Знаменскую выше локтя, одновременно лягнув её пребольно под столом.

– Ой, да что вы! Никак, меня за ангела принимаете? – взвизгнула она, но, быстро успокоившись, заявила: – Хоть заказ ваш не из лёгких, но понятный. А то иной раз среди вашего брата такие привередники попадают, что не дай ты, Господи! – И, опрокинув ещё один стакан залпом, она продолжала:

– Вот месяца два тому назад пристал ко мне эдакий ядовитый слюнявый старикашка: достань да достань ему хроменькую, да ещё со стоном...

– То есть как это так? – удивился я.

– Да так, говорит, пусть себе хромает и стонет, хромает и стонет. Ну что ж, думаю, мне наплевать – пусть стонет. Подыскала я ему нужную – у ней от природы одна нога покорооче другой, – ну, конечно, предупредила её насчет стенания: устроили смотрины, оглядел её со всех сторон мой старик да и забраковал: хоть она и хроменькая, а хромает не по-настоящему, как-то, говорит, ногу волочит, а настоящего приседания в ней нет, опять же турниром не вышла.

Я перебил её и спросил:

– Ну, так как же, Марья Ивановна, состряпаете вы мне это дело?

– Отчего же, – говорит, – можно, ежели на расходы не покуситесь.

– А сколько вы с меня возьмёте?

Она с минуту подумала:

–хлопот тут немало предстоит. Опять же и риску много. Ведь в случае чего тут и каторгой пахнет. Одним словом, возьму с вас – 500 целковых, меньше ни гроша. Это, так сказать, моя часть. Окромя этих денег, конечно, придётся уплатить и «ангелу». Ну, да там ваше дело, сговоритесь с ним сами. А главный расход пойдёт на Петра Ивановича, он живоглот, и меньше как за тыщонку беспокоиться не станет.

Я, насторожившись, спросил:

– А кто такой этот Пётр Иванович?

– Да есть у меня тут знакомый человек, – специалист по этой части, ловкач первосортный, весь город он знает. Если у какой-либо бедной вдовы хорошенькая дочка подрастает, Пётр Иванович тут как тут, коршуном вьётся да поджидает добычу. То многосемейных родителей в нужде подкупает, то саму девчонку апельсином соблазнит...

Я, почесав затылок, как бы поколебался, а затем решительно сказал:

– Ладно! Торговаться не буду. Деньги из банка получены, куда ни шло, ассигную на всё про всё 2 тысячи. Чёрт с ними!

И, вынув из бумажника сторублёвую бумажку, я разложил её перед портнихой:

– Вот вам пока задаточек, – действуйте.

Знаменская жадно схватила бумажку, засунула её за корсаж и проговорила:

– Что ж, не будем откладывать дело надолго. Желаете, так мы сейчас же махнем на извозчике в заведение Петра Ивановича.

Я поглядел на часы, было одиннадцать.

– Что ж, время не позднее, делать мне нечего, спать мне не хочется – едем!

Портниха крикнула деткам:

– Доедайте и допивайте здесь всё без нас, а потом только приберите хорошенько, а я ужо вернусь.

Мы сели с ней на извозчика и покатали по Пешей, спустились по Московской, пересекли рынок и свернули в какую-то маленькую улицу направо, позднее оказавшуюся Рыночной. Всю дорогу полупьяная портниха томно прижималась ко мне, икала, млела, словом, невольно вспоминал я, господин начальник, данное ей прозвище – жаба. Мы подъехали к четвертому дому от угла Московской.

Одноэтажная деревянная постройка с красным фонарём в окне. Портниха позвонила и принялась стучать каким-то, видимо, условным стуком. Дверь нам распахнул широкоплечий детина саженного роста. Мы прошли через сени и вошли в прихожую.

Здесь нас встретили, по-видимому, хозяин с хозяйкой. Знаменская сейчас же затрещала:

– А я вам, Пётр Иванович, гостя дорогого привезла, – причём на прилагательном сделала усиленное ударение.

Пётр Иванович засуетился, стал расшаркиваться и не без витиеватости промолвил:

– Милости прошу к нашему шалашу!

Знаменская заметила:

– В салон они пройдут опосля, а теперь дело к вам важное есть, поговорить бы надо.

– В таком разе пожалуйста сюды, – и он небольшим коридорчиком, выходящим из прихожей, напротив «салона», провёл нас в какую-то комнату довольно своеобразного вида: тут была и мягкая мебель, и письменный стол с альбомами, и двуспальная кровать, и множество зеркал на всех стенах.

Петра Ивановича сопровождала толстая, разряженная женщина, чрезвычайно антипатичного вида, оказавшаяся действительно хозяйкой.

Запирая двери, он что-то шепнул Знаменской, на что портниха успокоительно промолвила:

– Не беспокойтесь, – человек надёжный, я ихней жене туалеты шила.

Она вкратце рассказала суть дела, я со своей стороны сделал несколько «гастрономических» добавлений, после чего началась торговля. Наконец, мы сговорились и хлопнули по рукам, причём я добавил, что буду крайне разборчив и требователен, быть может, забракую дюжину кандидатов, прежде чем остановлю свой выбор.

– Известное дело! – сказал он мне. – За такие деньги можно и покуражиться!

В ближайшие дни он обещал показать мне первый номер, а пока усиленно просил ознакомиться с его «салонном». Я, зевнув, сказал:

– Ну, так и быть! Приготовьте там несколько бутылок вина и, что ли, каких-нибудь фруктов.

Пётр Иванович, почуяв наживу, мгновенно кинулся распоряжаться.

Ознакомиться с «салонem» я считал необходимым, надеясь почерпнуть какие-либо сведения по делу. Выкурив папироску, другую, и наслушавшись от хозяйки разных похвал своему «питомнику», я вышел из комнаты, пересёк прихожую и вошёл в гостиную.

Просторная комната со стульями и диванами, по стенам скверные олеографии обнажённых женщин, с поцарапанным пианино в углу и полувзасохшими фикусами у окон. Тут же на столе были уже расставлены Петром Ивановичем четыре бутылки скверного шампанского и синяя стеклянная тарелка на никелированной подставке с несколькими апельсинами, яблоками и полугнилыми грушами, – гордо именуемая вазой с фруктами. С полдюжины понурых девиц в несвежих платьях сидело вдоль стен. Едва я вошёл, как какой-то тип в потёртом сюртучке проскользнул бочком мимо меня, плюхнулся у пианино, мотнул головой и с деланным *brío* забарабанил крейц-польку. Девицы, как по команде, взялись за ручки и начали то, что принято именовать весельем, разгулом, «наслаждением», а в сущности, жалкая, пошлая и никому не нужная мерзость.

Проскучав в этой обстановке часа два и не узнав ничего по интересующему меня вопросу, я вернулся к себе в гостиницу.

– Послушайте, – сказал я с досадой Сергееву, – денег казённых, как я вижу, вы ухлопали немало, провели время, по-видимому, не без приятности, но, в сущности, ничего не сделали.

Вы установили, что Знаменская – патентованная сводня, но это было уже известно и по данным местной полиции, и по моим личным наблюдениям. Вы побывали у какого-то Петра Ивановича, но таких типов и заведений в городе немало. Спрашивается, что же вы сделали?

Сергеев тонко улыбнулся и сказал:

– Вы, господин начальник, перебили меня, не дослушав моего доклада.

– Говорите!

– Рано утром я навёл справку в полицейском управлении о Петре Ивановиче, и мне сообщили, что он крестьянин Тверской губернии, Бежецкого уезда, значится по паспорту из подрядчиков, а по фамилии... Сивухин!.. – многозначительно протянул мой докладчик и, выразительно подняв брови, уставился на меня.

Наступило долгое молчание.

Наконец я прервал его:

– Да, извините меня, я несколько поспешил со своим замечанием.

Вам удалось установить факт чрезвычайной важности. Можно почти с уверенностью сказать, что ваш Сивухин не является однофамильцем бывшего приказчика купца Плошкина. Хоть он и значится по паспорту из подрядчиков, но, разумеется, за эти пять лет мог испробовать и эту про-

фессию. Впрочем, точно удостовериться в этом будет нетрудно, так как молодой Плошкин, жених, надо думать, ещё здесь. Не смогли бы вы раздобыть незаметно фотографию Сивухина?

– Отчего же? Думаю, что да. Дело в том, что та комната, в которой меня приняли хозяева заведения, является их личным помещением и, по словам девиц, предоставляется в распоряжение редко, и то лишь особо избранным посетителям. Так как к числу последних отныне, конечно, принадлежу и я, то в этом отношении препятствий не встретится. В комнате же этой я вчера ещё видел на письменном столе ряд фотографий и самого Сивухина и его сожительницы Прониной. Поеду сегодня же к ночи, попытаюсь eine раз что-либо выведать и к завтрашнему дню доставлю нужный снимок.

На этом мы с ним пока расстались.

Я распорядился допросить всех извозчиков, обычно стоящих у рынка и на ближайших от сивухинского дома углах, не отвозил ли кто-нибудь из них в позапрошлый понедельник большой, трёхпудовый ящик на вокзал, к утреннему поезду в Москву.

На следующий день Сергеев доставил мне фотографию Сивухина и сообщил следующую важную подробность: ему, после трёхчасового уговаривания, выпытывания и уверений в защите и покровительстве, удалось выудить, признание от одной из сильно напуганных девиц в следующем. По её рассказу, недели две тому назад, в воскресный день, днём явились хозяин с какой-то незнакомой женщиной и девочкой-подростком. Хозяйка нас всех прогнала по комнатам и не велела уходить оттуда. Сама же прошла в хозяйскую комнату, где уже находились приехавшие. Вскоре из неё вышел хозяин, куда-то уехал, а через полчаса вернулся с каким-то господином, хорошо и богато одетым. Господин прошёл в хозяйскую, а хозяйка вышла из неё вместе с женщиной и заперла дверь на ключ. Вышедшая женщина сейчас же уехала. Мы, конечно, не смели выходить из комнат, однако всё это в щёлку заметили.

«Эх, – вздыхали мы грустно, – пропала девчонка!». До нас глухо доносились крики и плач, и кипело у нас на душе, да что поделаешь?

Часа через два господин ушёл, а хозяева поспешили в комнату.

Что там было – не знаю, однако разговор шёл, видимо, серьёзный. Целый час доносились до нас и голос девочки, и хозяина, и хозяйки. Хозяева то уговаривали будто, то словно грозились.

Наконец, послышался какой-то стук, грохот, затем страшный крик девочки, и всё смолкло. Мы были ни живы, ни мертвы. Затем опять послышались какие-то стуки, но голосов больше не слышали. Минут через двадцать быстро вышел хозяин, спустился в подвал и вскоре вернулся с большим ящиком. Повозившись в комнате с полчаса, они оба выволокли ящик и потащили его вниз, надо думать, опять в подвал. Тут одна наша де-

вушка – Шурка – страсть любопытная, не утерпела и сбегала поглядеть в хозяйскую: комната была пуста, девочка как сквозь землю провалилась. Вернувшийся хозяин позвал нас в гостиную, сердито на нас посмотрел, погрозил кулаком и сказал: «Держите язык за зубами; коли что слышали, так помалкивайте. Ежели которая взболтнёт лишнее, не сойтить мне с этого места – кишки выпущу!».

Получив эти данные, я приказал немедленно арестовать Сивухина, Пронину и Знаменскую. В этот же день карточка Сивухина была предъявлена Плошкину с вопросом, кто это. Тот «грациозно» поднёс её к лицу и воскликнул:

– Никак, Пётр Иванович? Он! Ей-Богу, он! Только немного разжиревши в своей комплекции.

К этим убийственным для обвиняемых показаниям присоединилась ещё новая подавляющая улика. К вечеру явился старик-извозчик и показал:

– Действительно, неделки две с лишним тому назад, как раз в понедельник утром я отвозил человека с тяжёлым ящиком на вокзал.

– А почему ты так точно запомнил, что дело было в понедельник.

– Да уж это точно, ваше высокородие, в понедельник. Накануне в то воскресенье, в день Пасхи, со мной такая неприятность произошла. Я сам, можно сказать, человек непьющий, разве когда приятели шкалик-другой поднесут, а в тот день, в воскресенье, стало быть, повстречался я с земляками, затащили они меня в трактир, ну, пошли там, конечно, разговоры разные про деревню.

Рюмка за рюмкой, сороковка за сороковкой, одним словом, к ночи едва на извозничий двор добрался. Утром вместо головы котёл на плечах. Как мерина запряг, и не помню, однако выехал на Московскую к рынку, где уже четвёртый год стою. Сел в пролётку, а голова так и трещит. Нет, думаю, пропадай день, поеду домой да выплюсь.

А тут как раз подходит ко мне мужчина, сколько, дескать, возьмёшь на вокзал свезть. Полтинничек, говорю, положите? А сам, думаю, выругает он меня, ведь красная цена за такой «конец» двугривенный. Но ничего. Ладно, говорит, ты обожди меня здесь, а я ужо вернусь с вещами. И действительно, – не прошло и десяти минут, как вижу, мой седок возвращается и на спине тяжёлый ящик тащит. Погрузил он его в пролётку, сам сел, и мы тронулись.

Он честь честью расплатился со мной, и я поехал отсыпаться.

– А ты не знаешь, кто он таков?

– Нет, фамилии евонной не знаю, а только живёт он недалече от моей стоянки.

– Почему ты так думаешь?

– Да за ящиком больно быстро слетал. Опять же чуть ли не кажинный день, а то и по нескольку раз на день мимо меня проходит.

– Так что в лицо бы ты его узнал?

– Известное дело, узнал.

Я разложил перед извозчиком шесть фотографических карточек, из которых одна изображала Сивухина. Извозчик тотчас же ткнул на неё пальцем:

– Вот он!

Я приступил к допросу, тайно надеясь выяснить ещё одну подробность. Начал я с Прониной:

– Что можете сказать вы мне по делу об убийстве Марии Ефимовой?

Она скорчила изумлённую физиономию:

– Никогда про такое убийство и не слыхивала.

– И Ефимовой никогда в глаза не видели?

– Никогда не видала!

– Так, может быть, Сивухин всё дело обделал?

– Пётр Иванович такими делами не занимается.

– Следовательно, вам так-таки ничего и не известно?

– Ничего ровно, господин чиновник.

– Ну что ж, так и запишем, а там суд разберёт. Вы – грамотная?

– Маленько умею.

Я, зевая, протянул ей лист бумаги и перо: «Так запишите ваше показание».

– Да что писать-то?

– Ну, хорошо, я вам продиктую. Пишите: «Сим удостоверяю, что по делу об убийстве четырнадцатилетней Марии Ефимовой показаний сделать никаких не могу и о самом убийстве слышу впервые». Распишитесь!

Она расписалась и передала мне бумагу.

Я вынул из дела письмо, полученное Плошкиным якобы от сына, и сличил почерк. Сомнений не было – та же рука. «Ну и дрянь же ты сверхъестественная. Оказывается, и письмо-то Плошкину писала ты, а ещё так глупо отпираешься. Ну да что с тобой, дурой, разговаривать. Обожди здесь. Я допрошу сейчас же твоего сообщника», – и я приказал привести Сивухина, не считая нужным допрашивать его отдельно, ввиду стольких неопровержимых улик.

Когда он был приведён, я обратился к обоим:

– Вот что, друзья любезные! Вы арестованы за убийство Марии Ефимовой, и вызвал я вас сейчас не для того, чтобы допрашивать, ловить и уличать. Мне известны все подробности дела. Я начальник Московской сыскной полиции, нахожусь в Пензе уже две недели и работаю по вашему делу. Мною поднята на ноги вся местная полиция и выписаны свои люди из Москвы. Эти две недели не пропали даром, и, повторяю, преступление ваше мною полностью открыто. Таким образом, каторга вам обоим обеспечена. Не отвертится от ответственности и ваша соучастница – портниха Знаменская. Но вы можете быть приговорены к каторге бессрочной, може-

те быть осуждены на 20 и на 12 лет. Много будет зависеть от вашего дальнейшего поведения. Если вы чистосердечно покаетесь, а главное, можете полиции разыскать того прохвоста, которому вы продали несчастную девочку, то, возможно, что суд и не наложит на вас высшей кары. Конечно, мы и без вас разыщем субъекта, купившего честь покойной, но вы можете ускорить и облегчить эту работу. Итак, я вас слушаю.

Сивухин и Пронина изобразили удивление и чуть ли не в один голос заговорили: «Да что вы, господин начальник? Помилуйте! Мы такими делами не занимаемся и не то что не убивали или там продавали, а и в глаза никакой Ефимовой не видели».

Я злобно на них взглянул:

«Ну и рвань же вы коричневая, как я погляжу. Слушайте вы оба: портниха Знаменская во всём созналась; девицы вашего заведения, которым ты, кстати говоря, обещал за болтливость выпустить кишки, рассказали и о приезде Знаменской с девочкой и тобой в Пасхальное воскресенье в ваш вертеп, и о том, как ты ездил и вернулся с каким-то субъектом. Последний пробыл часа полтора в вашей хозяйской комнате с Ефимовой, причём оттуда доносились крики и плач, после его отъезда вы оба прошли в эту комнату и долго уговаривали и угрожали вашей жертве, после чего слышались удары, её крик, и всё смолкло; ты сбегал вниз в подвал, приволок ящик, и вы оба протащили его обратно вниз, причём в хозяйской девочки уже не оказалось. Вот твоя карточка (я показал фотографию), по ней тебя узнал и молодой Плошкин, сейчас находящийся в Пензе, и извозчик, которого ты нанимал у рынка в понедельник утром за полтинник на вокзал, и весовщик, взвешивавший твою посылку в Москву старику Плошкину – твоему бывшему хозяину (эту выдуманную улику я приплёл для большего веса), наконец, если этого вам мало, то вот сегодняшнее показание твоей сожительницы, а вот письмо к старикам Плошкиным, якобы от сына; не только опытный человек, но и младенец скажет тебе, что оба документа написаны одной рукой, т. е. ею (и я ткнул пальцем на Пронину). Что же, и теперь ещё будете заператься?».

Убийцы переглянулись, помялись, вздохнули, и затем Сивухин быстро заговорил: «Нет, господин начальник, что тут заператься, пропало наше дело по всем статьям: и люди выдали, и дура баба подвела (он сердито взглянул на Пронину). Наш грех – нечего скрывать. Расскажу всё, как было, а вы, явите милость, похлопочите за нас, если можете».

– Говори!..

– Да что тут говорить, вы и так всё знаете. Ну, действительно, в воскресенье повстречал я в Лермонтовском сквере портниху, чтоб ей пусто было! – говорю ей, что вот, дескать, есть у меня человек, тысячу рублей даёт – найди, мол, ему красавицу писаную, да такой привередливый, что пятерых уже забраковал. Есть, говорю, у вас ученица – сушая краля, вот

бы её подцепить, так и дело бы сделали. «Это вы, наверно, про Маньку Ефимову говорите?» – отвечает. «Да, про неё». А тут, как на грех, на ловца и зверь бежит: смотрим, а ейная девчонка по аллейке идёт. Портниха сейчас же подозвала её, приласкала, то да сё, пятое-десятое, а затем и говорит ей: «Хочу тебе, Маня, удовольствие сделать, поедем сейчас к тёте и этому дяде кофейку с гостинцами попить». Девчонка подумала, поколебалась, но, между прочим, отвечает: «Что же, Марья Ивановна, ежели с вами, то, пожалуй». Уселись мы втроём на извозчика и поехали к нам. Дальше всё было, господин начальник, как вы сказывали. Одно только скажу – видит Бог, не хотели убивать девчонки. Когда уехал господин, мы с нею (он кивнул на сожительницу), нагруженные разными пряниками, фруктами, с куском шёлковой материи и сторублёвкой в руках вошли к Ефимовой в комнату. Сердешная сидела за столом, уронив голову на руки и ревмя ревела. «Эх, Манечка! – весело сказал я ей. – Есть о чём печалиться. Вот поешь лучше конфет разных да погляди, какое платье скроишь себе из этого шёлка. К тому же вот тебе и целый капитал – сто рублёвиков копейка в копейку...». И куда тут!

Девчонка оказалась с норовом: сгребла конфеты на пол и, разорвав эдакие деньги, швырнула мне их в морду. «Вы, – говорит, – подлые люди, заманили меня сюда, обесчестили, а теперь откупаетесь. Нет, – говорит, – отпустите меня, я всё матери расскажу, и вас по головке за то не погладят».

«Ну и дура ты, – говорю, – желаешь срамиться. Расскажешь матери, а мы от всего отопрёмся, тебе же хуже будет. Годика через два-три захочешь замуж, а никто и не возьмёт – порченная, скажут».

Ну, словом, господин начальник, я уж и так, я уж и сяк, и лаской, и угрозой – не помогает: стоит на своём, расскажу да расскажу всё как есть. Тут взяла меня злоба, да и страх: эка подлая, а что, ежели и впрямь пожалуется?! Подошёл я к ней, схватил крепко за плечо и говорю: «Остатний раз тебя спрашиваю – хочешь дело по-хорошему кончить?». А она как плюнет мне в харю!

Тут я не стерпел, выхватил из кармана нож да как шарахну её в грудь, ажно косточки захрустели. Крикнула она, повалилась на пол и не шевельнулась, губы побелели, от личика кровь отлила, ну, словом – преставилась! Обтёр, не торопясь, я нож об подкладку пинжака, перевёл дух, поглядел на Авдотью (он опять кивнул на Пронину). «Что же таперича делать будем, – сказал я, – ведь эдакое дело среди бела дня, опять же девицы могли подслушать аль подсмотреть». Авдотья мне говорит: «Завяжем её в куль, спрячем под кровать, а на ночь глядя отнеси ты её куда-нибудь в чужой сад или огород».

– «Ну и дура, – говорю, – завтра же полиция найдёт и опознает девчонку, схватят портниху, она нас выдаст, и не пройдёт месяца, как будем мы с тобой шагать по «сибирке». Прочёл я, господин начальник, как-то в

газетах, что нынче в моде трупы в корзинках рассылать, и подумал: «Самое разлюбезное дело». Действительно – приволок ящик снизу, припас клеёнку, верёвки и солому, схватил топор да и разрубил тело на четыре части. Ну, конечно, для неузнаваемости поцарапал ей личико.

Пока я укладывал куски да закупоривал ящик, Авдотья схватила тряпки (платье и бельишко покойной) и, вылив всю воду из умывальника и графина, старательно замыла кровь на полу и спрятала тряпки под кровать. Дальше было всё, как вы сказывали».

С волнением выслушал я повествования Сивухина – эту странную смесь какой-то жестокости и чуть ли не мягкосердечия, нередко свойственных русским преступникам.

– Кому же ты продал её?– продолжал я допрос.

– Да Бог его знает – назвался Абрамбековым, говорит, из Тифлиса, а в Пензе будто проездом.

– Ты почём знаешь? Может, он всё наврал?

– Не должно этого быть. Когда я за ним ездил в гостиницу «Россия», то он там значился в третьем номере.

– Почему ты послал труп старику Плошкину?

– Да как вам сказать, ваше высокородие. Тут дня за три до этого я на Московской улице встретил евонного сынка. Он-то меня не видел, а я сразу обознал, да и слышал уже ранее, что одну из наших богачих за себя берёт, стало быть, сватается. Отец же евонный суцкая собака, я у него долго в приказчиках служил, а затем он меня выгнал. Вот и подумалось мне: подшучу над стариком, пошлю ему суприз к Светлому праздничку. Сам, конечно, писать письма не стал, а приказал Авдотье.

Отослав их обоих по камерам, я вызвал портниху. Допрос Знаменской мне представлялся более сложным: ведь, в сущности, кроме показаний Сивухина, никаких других улик по делу именно Ефимовой против неё не имелось. Девицы заведения лица её не разглядели, убитая встретилась с нею в Лермонтовском сквере случайно, таким образом, при отсутствии сознания, показания Сивухина могли бы быть признаны судом присяжных спорными. Я решил огорошить её совокупностью неожиданностей, сбить с толку и вырвать признание, не дав ей времени трезво взвесить серьёзность имеющихся у меня против неё данных.

Вошла она в кабинет не без жеманства и с деланным любопытством спросила:

– Скажите, мосье, за что я арестована?

– За участие в убийстве Марии Ефимовой, мадам.

– Ой, да что вы! Я Манечку любила как родную дочь и до сих пор по ней плачу, – и, вытащив платок, она приложила его к глазам.

– Оттого-то вы продали её Сивухину?

– Помилуйте! Я такими делами не занимаюсь, да и Сивухина никого не знаю.

Я резко сказал:

– Мне тут некогда терять с тобой время. Я начальник Московской сыскной полиции и работаю по этому делу две недели.

Мои люди за тобой следили денно и нощно, и мне известен каждый – твой шаг. Ты там у себя на Пешей чихнёшь, а мои люди это видят и слышат.

– Ну, уж это извините. У меня в квартире, кроме своих, никого нет.

– Напрасно так думаешь. Вот тебе для примера: видишь эти четыре пуговицы, зелёные с белыми полосками, что нашиты у тебя спереди на блузке? Мне и то известно, что в лавке их не покупала, а приобрела у оборванца заведомо краденый товар за четверть цены.

Портниха опешила, но, оправившись, заявила:

– Не знаю, про какого оборванца вы говорите и кто он таков.

Я быстро напялил на голову заранее заготовленную рваную кепку, уже раз служившую мне, придав лицу обрюзгшее выражение и, посмотрев осолопевшим взглядом на Знаменскую, хрипло произнёс:

– Кто я таков – об этом знает Волга-матушка.

Портниха чуть не упала навзничь:

– Ой, да! Что ж это? Матушки мои! Он, ей-богу, он!..

Я снова принял прежний вид:

– Поняла теперь?

Несколько успокоившись, она проговорила:

– Ну, уж извините меня, господин начальник, сознаюсь, действительно соблазнилась тогда, уж больно подходящий товар вы предлагали. В этом виновата – каюсь. Ну, а что насчёт Манечки или там вообще какого-нибудь сводничества – это уж извините, я честная женщина.

– В последний раз предупреждаю тебя, что если ты будешь и дальше врать и отпираться, то дело твое дрянь, на снисхождение суда не рассчитывай, помни – мне всё известно!

– Я не отпираюсь, сущую правду говорю.

– Николай Александрович, пожалуйста сюда, – позвал я громко.

В кабинет вошёл Сергеев и, «любезно» расшаркавшись перед портнихой, спросил:

– Ну, как наши дела с ангелом?

Трудно передать словами выражение, изобразившееся на лице Знаменской: множество оттенков сменилось на нём, но доминирующим оказалась полная обалделость, тут же разрешившаяся обильными слезами и полным покаянием.

В этот же день были наведены справки в гостинице «Россия» об Абрамбекове. По прописке он оказался тифлисским коммерсантом, армянином, выехавшим из Пензы с неделю назад. Я тотчас же срочно телеграфи-

ровал в Тифлис, и арестованный Абрамбеков был вскоре перевезён в Пензу и заключён в местную тюрьму.

Вся эта компания месяца через два предстала перед судом и понесла возмездие: Сивухина и Пронину приговорили по совокупности преступлений к 20-ти годам каторжных работ; Абрамбеков был обвинён в насилии и получил 8 лет каторги; по отношению к Знаменской суд признал наличие лишь сводничества и отверг её причастность к убийству. Таким образом, она отделалась всего 3-мя годами тюремного заключения.

Через год с лишним пензенский полицеймейстер В. Е. Андреев был переведён на службу в Московскую сыскную полицию по моему ходатайству. Вспомнив про пензенское дело, я как-то спросил его о матери убитой девочки. «Судьба к ней безжалостна, – сказал Андреев. – Она не оправилась от постигшего её тяжкого удара и принялась пить, благо вино было всегда под рукой. Акцизное ведомство, зная её трагедию, долго щадило её, но она перешла всякие границы, и местному управляющему акцизными сборами в конце концов пришлось приказать её уволить. Тут она быстро покатила по наклонной плоскости, распродала и пропила всё своё скудное имущество и превратилась в оборванную, вечно пьяную нищенку: слоняется по улицам, собирает копейки и тут же их пропивает.

Как помните, по её настоянию останки дочери были перевезены за казённый счёт в Пензу и похоронены на местном кладбище. И представьте себе, как странно – эта женщина, потерявшая облик человеческий, сохранила в душе своей несокрушимую трогательную любовь к погибшей дочери. Чуть ли не ежедневно можно было её видеть у заветной могилы, проливающей горькие слёзы, что не мешало, впрочем, ей иногда тут же и напиваться. А как-то прошлой осенью эта несчастная женщина была найдена распостёртой на могиле с перерезанным горлом, причём факт самоубийства был, конечно, установлен. Могила убитой девочки неведомо кем содержится в порядке: всегда обложена свежим дёрном, деревянный крест и решётка время от времени кем-то подкрашиваются, с ранней весны до поздней осени на могильном холмике виднеются незатейливые букетики ландышей, фиалок, незабудок и васильков.

Любая гимназистка, епархиалка и простолюдинка укажет вам сразу могилу Ефимовой. И крепко держится поверие, что молитва, творимая на этой могиле, особенно угодна Богу. Сливёт же эта могила под именем «Маниной могилки».

Поэзия

Вячеслав Свиридов

Вячеслав Николаевич Свиридов (родовое имя «Зола») родился 10 августа 1968 года в городе Липецке. Окончил Финансовую академию, работал государственным налоговым инспектором и ревизором в государственных структурах.

Автор книги стихов «МЁД & ЗОЛА» («The Black & Yellow Book»). Публиковался в периодической печати, журналах «Пульс», «Молодой Петербург», «Петровский Мост».

Живёт в Липецке.

Сообразно чуду

ПОСТСКРИПТУМ

Не взрывом, но всхлипом закончилась ссора,
Сообразно чуду дождя за окном,
И капли воды довершеньем декора
На цинк подоконника мерно – бом-бом.

Бом-бом. Кровь в висках, будто дятел безумный,
Терзала сосуды, и мерзкий апрель
Бесился на улице – пьянь беспробудный,
Сосулек сосцы превращая в капель.

Всё кончено. Бейте в литавры, я сдался,
Я больше не буду любить и страдать.
Но краешек глаза слезился и жался –
Персидский котёнок – клубком под кровать.

Так рушится мир без войны и без драки,
Так рушится мир за здорово живёшь,
Под корень, под корень фиалки и маки,
И в ножны обратно затупленный нож.

МАРИНА. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

*Великой русской актрисе
А. С. Демидовой с любовью*

По ту сторону радуги
И по эту сторону сна,
Замшелость бассейнова дна,
Вой голодной Елабуги.

Верёвка змеей гремучей
Потуже обнимет шею,
Но я ничуть не жалею
Об этой навозной куче.

Я верую крепко в Бога,
Что всех на земле красивей,
Больная душа России,
Закутавшись, в рваной тоге,

С соплями глотая слёзы,
Пусть месит свой путь тернистый.
А в небе молочно-кислом
Луны золотые косы

Прикроют стыдливо груди
Полуночному светилу.
Почто же ты, Пёсья Сила,
Так немилосердно судишь,

Почто ж ты творишь бесчинства?
Но я умираю с верой
В любовь неумной меры,
Презрев суету и свинство.

Я знаю, что скоро встречу
Всех бывших, кого любила,
Родился кто с духом хилым,
Пусть бисер пред стадом мечет.

А мне надоело это.
Виват всем, кто Небом дышит.
Прощайте, кроты и мыши.
Марина. С большим приветом.

ВЗАХЛЁБ (Утро в Ельце)

Как бритвой острой, по ноздрям
Дурманом мёда и махорки
Вдруг резануло. Ассалям
Алейкум, город, на закорки

Взваливший ношу славных лет,
Приправленных слезами с кровью,
И заунывной песней вдовьей,
И гимном чтивших партбилет.

Люблю заранее, в кредит,
Со всеми потрохами, паче
С церквями, с замшевостью плит
Могильных, ну, а как иначе?

Всё или нет. Люблю и чту
Резные ставни, переулки
В домашних шлёпанцах и гулких
Седых колоколов мечту.

Сольюсь с толпой, пойду туда,
Где крест хрустальный, где иконы
Расшиты бисером червлёным,
Где рукотворная слюда

Сверкает рыбьей чешуёй.
Войду, зажгу свечу и буду
Коленопреклоняться чуду
Любви и веры неземной.

ПОДНОШЕНИЕ ЛИ БО
Учителю моему о. Геннадию
(Рязанцеву-Седогину) с почтением

Следы нечёткие на талом снегу
К церквушке старой петляют зайцем,
Если бы я был жёлтым китайцем,
Я бы просто сидел на берегу

Великой реки Хуанхэ и пел
Под аккомпанемент самодельной лютни,
Подальше от жизни, от лизоблюдной,
Подальше от мерзости суетных дел.

Себя б ощущал я безмерно счастливым,
На ложе раскинувшись древнего пня,
И волновали бы только меня
Цветы запоздалые маленькой сливы.

Я б складывал жемчугом буквы в строку
И тренькал по струнам изнеженным пальцем.
К церквушке старой петляют зайцем
Следы нечёткие на талом снегу.

БЕЛОМУ КОТУ
(Подражание Катулле)

Кто дороже ей был зеницы ока,
рахата-лукума слаще, и кто свою хозяйку
так же знал хорошо, как дочку мама,
кто, колен округлых её никогда не покидая,
ласкался, мурлыкая, и скрашивал ей ночи зимние,
тот познал блаженство, другим недоступное.
Благословляю, восхваляю его за помощь и преданность,
Завидуя всё же лютой завистью.

Аглая Смородина

Аглая Смородина (Глафира Владимировна Крымова) родилась в Москве 12.08.1963 г. По профессии художник батиковой росписи. Публиковалась в коллективных изданиях.

Лауреат и дипломант многих фестивалей и конкурсов, как поэтических, так и авторской песни различного уровня, в том числе победитель российско-израильского проекта литературного конкурса «На одном языке» на премию имени Саши Чёрного.

Участница литературного клуба «Я сень».
Живёт в Москве.

В стиле ретро

КУКИШ С МАСЛОМ

Ни на что не хватает времени,
Чтоб подумать об этом завтра.
Я сижу, подобрав колени.
Лорд грызёт мои новые тапки....
Ну зачем он так? Пёс его знает!
И расслабилась лишь на минутку –
Потянулась за сигареткой,
Хорошо, что я с ней не заснула.

Я в депо наглоталась дыма.
Бог ты мой! Как достало это!
Сказки Гофмана – главный стимул,
По которым составлю смету
На интеллигентное хамство
И на беспардонную скромность,
На запреты все и соблазны,
Что в одну конструкцию собраны.

Обо мне ты, наверно, вспомнил,
Не случайно: напала икота.
Надо выпить стакан водички.
Ты же, гад, не звонишь на сотовый!

В самый раз задержать дыхание,
Или просто рассыпать спички.
Не сгибая колен, собрать их.
Способ этот войдёт в привычку.

Знаю: жизнь ты мою украсил,
И в семейной варишься гуще...
Сука-скука тебя колбасит,
А избыток гормона – плющит.
Очень важен совет психиатра?
Уточняю: «По месту жительства!».
Сложно жить нам без навигатора,
Сложно жить нам без электричества!

Если счастья работают датчики –
Параллельно глаза мои светятся.
Экстрасенсы и душеприказчики –
На фонарном столбе повесятся.
Упустили момент, это ясно.
Проморгали – такую клиентку!
Получите теперь «кукиш с маслом»,
Или смятую сигаретку!..

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Пробежался с подружкой Радугой
По столице мальчишка Ливень.
Удивил он всех и порадовал
Импровизацией в ретро-стиле.

Ливень – клавишник и ударник.
Он талантлив, но не заносчив:
В общем, просто хороший парень,
И знает, чего он хочет.

Улыбалась Скамейка старинная,
Влажным блеском зубов ослепляя:
«Ах, неужели же! Неужели,
Вновь красивая я, молодая!».

«Ай, да Ливень – маэстро Май!» –
Восторженно гром аплодировал.
«Ошибочка вышла, – сказал Календарь. –
Ты, мой друг, Октябрю дирижировал!».

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Хочу туда, где нерестятся звёзды,
И ангелы слетаются гуртом.
А главное, как здорово и просто:
Иллюзий мир – вдруг ожил под пером.

Я наблюдала, как под крышей карамелью
Звенели льдинки, радуясь весне,
Под эту музыку весёлого апреля,
На солнце таяли, как в детстве монпансье.

Пересекая грёз ночных пространство,
Стою у Вертограда на краю.
От ног до головы в зоологическом убранстве,
Из рук, как птиц, я слоников кормлю.

А по щекам, любуясь отражением,
Дождями тёплыми, солёные от слёз,
Текут рекой волшебной сновидения,
Сквозь золото песка в долину роз.

ЧЕРДАЧНОЕ РЕТРО

Вам, как и мне, убедиться не сложно
В том, что очень важны детали:
В чердаках обитают вещи из прошлого,
Для грядущего держат запасы в подвале.

Может, статистика та повсеместна,
А может, предметно нам достаётся:
Чердак для неё – это лучшее место,
Где звёзды моргают и солнце смеётся.

На чердаке хлама всякого – горы,
Надо бы взять навести нам порядок.
Выбрасывать вещи! Вот так, без разбора?
Нет, господа! Это делать не надо.

Оставьте на память вы лучшее фото,
На фоне семейного раритета.
А после спокойно займитесь ремонтом,
Используйте с пользой чердачное ретро.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Елена Чебакина

г. Пенза

* * *

Мой друг, какие наши годы?
Ещё не повод пропадать:
У павильонов «Соки-воды»
Мы научились выжидать,
Когда пройдёт лихое племя
Борцов за правду и за мир,
Когда непонятое время –
Объект назойливых сатир –
Свернётся в книжные сюжеты
И стопку памятных монет.
Мы будем вспоминать об этом,
Меняя деньги на билет
В музей потерянной эпохи –
Цинично выигранный грант,
Где в устремлениях высоких
Играет пьяный музыкант.
И ничего не прояснится
Среди глазеющих зевак:
Всё те же кукольные лица,
И нарисованный очаг
В каморке старенького Карло –
Недостижимый идеал.
И мы опять свернём направо –
Туда, где нас никто не ждал.

Елена Тогорелая

г. Москва

* * *

Облака позолочены солнцем,
случайный след самолёта ведёт к закату.
В дверях часовни – танец поднятой пыли.
Не слышно ни голосов, ни поздних песен,
слепые окна глядят на свет,
пруд зарос кувшинками,
две деловитых утки разгребают у берега ряску.
В ночной попутке иль пешком вдоль поля –
иначе сюда никак не добраться, зато –
ни преди-, ни послесловья:
только ливень шумит ночами у изголовья
и цветы расцветают чёрные в парниках.

Ольга Кузьмина

г. Пенза

ЖИТЬ

Я чётко настроена камертоном
На творчества заданную волну.
Я меняю свой цвет, настроение, тон
На божий дар, даже если иду ко дну.
Я проводник в диапазоне вселенной.
Светящаяся точка, серебряная нить.
Даже если я стану песчинкой иль пеной
Белой, я всё равно упорно продолжу жить
Вибрацией, звенящим звуком, словом
На бумаге, в памяти, в душе,
Прикосновением, поцелуем, тонким изломом
Линий чьих-то ладоней буду жить ещё.
Как жила уже.

София Коншцева

г. Заречный Пензенской области

* * *

Ну, давай о книгах, о чём ещё,
Если так бешено влечёт.
Если сердце не греет меня, а печёт,
Если сорваны сразу же все стоп-краны.

Я игрок тот ещё, но не тут.
Тут забуду, кто я, как меня зовут.
Взгляд украдкой – выстрел – и всё – капут.
Выходи в дозор и снимай капканы.

Перемешаны скорости, рубежи.
Если я не нравлюсь тебе, скажи.
Окольцовывай, спутывай и дрожи,
Подходи ко мне близко-близко.

Я умру, если ты мне не по зубам.
И кому я тогда всю любовь отдам?
В теле ватность-туман, в голове – бедлам.
Как противно, и как волнует!

Татьяна Нестерова

г. Никольск Пензенской области

Верность оловянного солдатика

Судьба неумолима,
И не стреляет мимо,
Так что же, оловянная башка?
Кораблик из газеты,
В канаве света нету,
Конца туннеля не видать пока.
Повсюду крысы рыщут,
Числом, наверно, с тыщу,
И батальон на помощь не придёт.

Но я солдат, и точка,
И из канавы сточной
Я выберусь, и кончится поход.
Усталый, одноногий,
Но я найду дорогу
Туда, где верно ждёт меня она.
Девчонка из картона,
Но для меня – мадонна,
И на двоих судьба у нас одна!

Дмитрий Шолов

г. Пенза

* * *

Как дышится легко, свободно,
И нет тревоги никакой.
Неспешно Осень, благородно
Траву усыпала листвой.

И иней поутру повсюду.
Видать, зима недалеко.
И я ей радоваться буду,
И с нею будет мне легко.

Ольга Козьм

г. Москва

* * *

Приснился мне голодный год.
Татарский нож, степной поход.
Скакали мы тринадцать дней
И пили кровь своих коней.
Был ранен, умер хан Ахмат –
Его несли мы на закат.
И по пути к долине рек
Убили триста человек.
«Служите хану в том краю!».
Себя за то я не корю.

Смешно корить себя за сон
Тому, кто по уши влюблѐн.
Проснувшись, я беру планшет,
Чужую смерть свожу на нет:
Рисую кровь, степной ночлег,
Кровь и себя – в долине рек.

Александр Чернюк

г. Пенза

Пьяный ветер

В поле ветер бродит пьяный
Каждой ночью напролѐт,
Что-то ищет, окаянный,
Колдовскую песнь поѐт.

Льѐт он песню с ядом страсти,
Искры мечет на лету,
Разбросать готов он снасти,
Чтоб поймать свою мечту.

То крылом костѐр раздует,
Вспыхнет яростью огонь.
Пламя рыжее стартует,
Поднимая вверх ладонь.

Заблудился между веток,
Поломать готов кусты,
И оставил много меток.
Испугавшись наготы,

Улетает к речке малой,
Чтоб продолжить с ней игру.
Но нашѐл еѐ усталой,
Полусонной поутру...

Тут и солнышко проснулось,
Осветило шалуна
И лучом его коснулось:
«Отдохни уж, старина».

ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА
«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ 2020 ГОДА»

Татьяна Тютёмина

г. Пенза

Цыганка

Сентябрь... Уставшая заря
Над пёстрым лесом отдыхает...
И лето звонкое сменяет
С грибным дыханием пора.

Цыганка-осень сбросит шаль,
Ковром цветастым луг укроет,
Дождём прозрачным мир умоет.
В глазах – вселенская печаль...

Октябрь... Последние деньки
Теплом прощальным согревают.
Листву ногами загребая,
Шуршат неспешно грибники.

Ноябрь... Осень, втихаря,
Пригоршнями насыплет снега.
Уснёт земля в морозной неге,
В остывших каплях хрусталя.

Олег Карев

г. Москва

Мне сердце вновь чарует осень...

Мне сердце вновь чарует осень,
Величьем царственным глуши,
В мир упоения уносит,
Воркуя ласково: «Пиши».

Раскрой поэзии объятия.
Поэта душу обнажи...
И скинет пред тобою платье,
Та, кто не терпит в строках лжи.

Закружит в ритме вдохновенья,
В бокалы искренность плеснёт
И, погружая в откровенье,
«Люблю» тихонечко шепнёт.

Шепнёт листвою под ногами,
Порывом дерзким ветерка,
В полях поющими хлебами,
Улыбкой щедрой мужика,

Багрянцем леса, куполами,
Зарёю, что восход венчал,
С небес упавшими слезами
И всем, что Бог России дал.

Ольга Корчагина

г. Пенза

СЛОВО-СЕМЯ

Я семя брошу в землю,
Она его приемлет,
Она его разбудит,
И снова семя будет.

1

Зерно не знает, что оно зерно,
Своей судьбы не ведаёт оно.
Судьба его да будет такова:
Пусть не сотрут досрочно жернова,
Пусть не склюёт его случайно птица,
Пусть в руки тёплые мои ложится.
Не Бог зерну я, лишь его посредник.
И где-то у Всевышнего в передней,
Там, где просты законы и ясны,
Хранится слово-семя до весны.
Не слово – звук, да и не звук – намёк
Падёт с небес на землю в нужный срок.
А если посажу его под зиму,
То так и назовут его – озимым.

2

Росток, пробейся, вырастая в колос,
Чтоб мы могли услышать поля голос.
Дай силы, хлеб, на множество дорог,
Чтоб слово не терялось между строк,
Чтоб ночью – звёзды, чтобы днём – светло,
Чтобы птенцы вставали на крыло.

Светлана Волčkова

с. Сосновка Пензенской области

Непокорённый

Рвались фашисты к центру Ленинграда,
Бомбили город, не жалея бомб.
А для меня, мальчишки из блокады,
Стучал, как сердце, громкий метроном.

Отсчитывая дни суровой жизни,
Напоминал он: город наш живёт.
И жители не допускали мысли,
Что осаждённый Ленинград умрёт.

Замёрзли трубы. Ни тепла, ни света.
Набрать воды уж не хватало сил.
Но верили – придёт она, Победа!
И город полумёртвый всё же жил!

Своим дыханьем струны согревая,
Играл оркестр в зале ледяном.
И мама в полумраке, чуть живая,
Сидела в платье нежно-голубом.

Мы ели жидкий холодец из клея
И хлеб с обойной пылью пополам,
А я мечту одну в душе лелеял –
Как яблоко я подношу к губам.

Я рисовал замёрзшими руками,
И иней серебрился на стене.
От голода не двигал я ногами,
Но яблоко то грело душу мне...

Антон Хрулёв

г. Пенза

Советскому солдату

Пусть приснится тебе васильковое поле,
где в туманной заре серебрилась роса,
где соловушки трель разливалась на воле
и казалась спокойной ночная гроза.

Ах, война, ты жестоко людей разлучила!
Их не считано ты забирала с собой!
Мать от сына и весточки не получила...
Ты погиб за страну, защищая покой

В тех бескрайних степях, где зелёные травы,
И печальный до слёз перелёт журавлей,
И родительский дом у весенней дубравы,
И хлеба золотые в просторах полей.

Пусть приснится тебе васильковое поле,
там, в дали, за туманной уснувшей рекой.
Только помни: осталась свободной и вольной
Твоя Родина, мой неизвестный герой.

Галина Акимова

с. Секретарка Пензенской области

Новый день весны

В туман белесый кутается утро.
Последние мгновенья тишины.
Каким он будет, новый день весны?
Весёлым? Грустным? Беспокойным? Мудрым?
Мне видится он добрым почему-то...

Вот-вот расправит солнце лепестки
и разорвёт тумана паутину
и, может быть, хотя б наполовину,
да поубавит снега островки.
Но может стать так, что вопреки

желанью моему, сегодня небо
останется во власти хмурых туч.
И солнце не сойдёт с небесных круч,
а без него мне зябко будет, слепо.
И дождь, пожалуй, отрицать нелепо...

Что, если он поднимется с колен,
обнимет мир озябшими руками,
неторопливо мягкими шажками,
мечтая беспрестанно о тепле,
пройдётся по объятой сном земле,

на радость, тихим шёпотом расскажет
о скором приближении весны,
и привнесёт кусочек новизны
в безжизненные, стылые пейзажи,
и на снегу морщинками заляжет?

Льнёт к стёклам умилённо сумрак утлый, –
грань между ним и светом так тонка!
Наступит скоро день, ну а пока,
меня настроенье поминутно,
в туман белесый кутается утро.

Александра Филатова

г. Заречный Пензенской области

Александра – Александр

На двоих одно имя и отчество
Нас связало случайно ли? Хочется
Оправдаться: казалась мне искренней
Наша связь, сомневаться бессмысленно...
Но потом осознанием мучилась:
Ничего-то у нас не получится.
Мы любили друг друга по-разному:
Тяготился ты бытом налаженным.
Предпочёл положенье неравное:
Для тебя дух свободы ведь – главное.
Мои крылья тобой были связаны.
Ты считал: я рабой быть обязана.
Ну, а ты – господином. Неправильно.
Презираю любое бесправие...
Я ушла. Твоё имя и отчество
Растворила в своём одиночестве.

Приглашаем наших читателей –
профессионалов и любителей поэзии
к участию в конкурсе
«Одно стихотворение года – 2021»

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Кукаев

Александр Васильевич Кукаев родился 13 июля 1954 г. в Пензе.

Изобретатель, имеет несколько патентов: изобретения в области акустики музыкальных инструментов получили международное признание. Владеет двумя десятками специальностей. Исследователь древности Сурского края, народов России и их единства с Русским Миром. Эксперт по вопросам национальной безопасности.

Сергей Леонтьев

Сергей Александрович Леонтьев родился в Москве в 1963 году. По образованию инженер-электронщик. Бизнесмен. Потомок А. В. Суворова. Владелец родового имения Леонтьевых Воронино в Ярославской области.

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Дорошина Лидия Ивановна) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области.

Автор тридцати книг, выпущено два диска с песнями на её слова. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Руководитель литературного клуба «Я сень».
Член Союза писателей России.

История как наше знание о прошлом существует вовсе не для того, чтобы мы предъявляли ей претензии, но для того, чтобы, извлекая из неё уроки, мы не повторяли ошибок наших предков.

Ещё могу понять поляков и турок, обиженных на Суворова за военные поражения аж в восьмом колене.

Но понять наши российские национальные меньшинства с их обидами на гения военного искусства 18 века, который всю жизнь служил российскому престолу, и благодаря которому крепла Российская империя, в которой вполне сносно жили и ногайцы, и мордва, я не могу.

Их желание противопоставить себя централизованной власти – не признак силы, а признак предательства.

И все центробежные мотивы придуманы не народом, а кучкой продажных «выразителей воли народа».

С. А. Леонтьев

Правду убить нельзя

Последней каплей для создания данного материала стало изъятие либеральными СМИ фразы «МЫ – РУССКИЕ» из высказывания А. В. Суворова «Мы – русские! С нами БОГ!», что говорит о заказном характере войны против памяти о русском полководце.

Технология страха и лжи об Александре Васильевиче Суворове

Выяснять с кем-то отношения и создавать пиар на именах великих людей – не наш стиль. Кривить душой и учинять скандалы тоже. Нам нужна правда. Можно предположить, что о великом полководце А. В. Суворове вспомнили на острие политических склок «дураки», как нам советуют. Выражение «Собака лает, караван идёт» тоже опоздало. На память об А. В. Суворове ополчилась стая гиен.

При всей толерантности интересная открывается картина жизни. Турция намерена создать тюркскую дугу и армию Турана. Показательно, что возродить идею Великого Турана предлагал правительству Турции ещё Гитлер. Что мешает? Память о победах России над Турцией как предупреждение. Поэтому нужно навести тень на плетень, то есть изобразить победу России над внешним и очень опасным врагом как карательную акцию – со слов потомков пострадавших. Из разных мест необъятной России и от разных глашатаев переписывания истории звучат упрёки в адрес Генералиссимуса А. В. Суворова. Когда глашатай один, можно сказать – дурак. Когда несколько – это уже система, созданная для дезинформации общества, особенно молодого поколения, плохо знающего исторические факты,

но уже вступающее на поле политической деятельности. Чего этим можно достичь? А очень многого.

В первую очередь очернить власть и полководцев Российской Империи, русский народ, представить их как захватчиков и карателей «невинно» пострадавших соседей.

Отучить молодёжь любить и защищать Родину.

Российские территории: Кубань, Крым, Кавказ, Поволжье... могут быть объявлены нелегитимными для России. Автоматически на них претендует Тюркская дуга... благо, турки живут и среди нас. Тираж наших «карателей» и «палачей», назначенных Западом, поражает: Атилла, Чингисхан, Иван Грозный, Александр Суворов, Иосиф Сталин, Владимир Путин... Если мы будем молчать, сами окажемся палачами памяти, а молодёжи останется выживать в государстве «палачей».

В последнее время обострилась необоснованная русофобия не только в «цивилизованных» странах, но под влиянием внешних кукловодов и в среде бывших граждан СССР, относящих себя к «иным народам и народностям». Провокационное перевираание исторического прошлого России поднято «на щиты» якобы обиженных и оскорблённых. Предпринимаются попытки разрушить даже фундамент становления России, возносится явная клевета на её создателей и защитников. И не смей сказать слова в ответ, мы же должны быть толерантны...

Вот недавняя провокационная акция по стиранию памяти о великом полководце А. В. Суворове, которая показывает лицемерие и лживость фигурантов оценки событий прошлого.

«...Суворов – это тот человек, который практически уничтожил мой ногайский народ», – заявил замминистра по национальной политике Карачаево-Черкесии Адлер Туркменов, который стал инициатором по изъятию портрета А. В. Суворова из галереи полководцев победителей.

Но почему Туркменов показал только одну сторону трагедии? Почему не назвал подлинные причины принуждения ногайцев к миру?

Во время «кубанского погрома» 1717 года, продолжавшегося 10 дней, в пограничных уездах юго-восточной России убито и уведено в плен до 18 тысяч жителей, выжжены все сёла, и мордовские, и русские, и чувашские, оказавшиеся на пути степных разбойников. Было уничтожено и родовое имение А. В. Суворова Маровка, что на реке Шукша.

Предводитель ногайского войска – салтан Бахты Герай имел звание сераксира, что явно указывает на его принадлежность к службе в Османской Империи. Этот погром явился своеобразной «разведкой боем» турецкого Генштаба под патронажем европейских хозяев Турции. Коварству ногайцев после Кубанского погрома 1717 года был дан укорот. Этот набег закончился для них бесславно: на обратном пути орда Бахты-Гирея встре-

тилась с давними своими противниками – калмыками и кабардинцами – и была разгромлена.

К 1783 году ничего не изменилось. Ногайская орда использовалась Турцией как большой турецкий партизанский отряд в тылу войск Российской Империи. Поэтому блестящая военная операция, проведённая А. В. Суворовым против турецких партизан, была не карательной акцией, а военной! Ногайцы не переселялись в другие регионы Империи не по причине боязни, а по причине согласования с турками своей дислокации, удобной для причинения большего вреда России, её армии и народу.

Вот явно провокационный опус. Его автор Рафаэль Хакимов. Приведем несколько цитат из его сочинения.

«Окончательную точку в непростой судьбе ногайцев поставил знаменитый Александр Суворов, выступивший в роли карателя».

«Российское правительство разработало программу по переселению ногайцев за реку Урал (Яик), а также в Саратовское и Тамбовское наместничество. Как пишет историк Петрушевский, «большинство ногайцев было переселением недовольно; уральская незнакомая степь их страшила».

«Как пишут очевидцы, «дело было кровавое», т. е. шло откровенное истребление народа – то, что сегодня называется геноцидом».

«История с ногайцами ставит непростой вопрос о роли Суворова в истории России. Ведь есть мнение, что истинные полководцы никогда не выступают в роли карателей, они сражаются с регулярными войсками, причём по неписаным правилам о доблести и чести...».

Во-первых, как же могла страшить кочевников ногайцев уральская степь – прежние их родовые земли с конца 14 века?!

Во-вторых, А. В. Суворов отдал приказ: «Войскам отдыха нет до решительного поражения, истребления или плена неприятеля». Сказано же А. В. Суворовым: «...или плена». Значит, не истребление и не геноцид. Покорную голову не секут. Ногайцы нарушили прежние договорённости о мирном сосуществовании, данные Императрице Екатерине Второй.

И в-третьих, оказывается, защита собственных земель от набегов хищников, да ещё, говоря современным языком, агентов влияния Запада, и расселение их гнездовья называется карательной операцией. Товарищи неравнодушные, тогда уж попросите своих турецких хозяев вернуть армянские земли, а заодно и Константинополь, да и не претендовать на Иерусалим.

Современная Европа скорбит и лукавит, вспоминая о прошлых поражениях. Потомки нацистов убеждают нас, что время излечило горе народов СССР – России, пострадавших от агрессии Германии. Зато их «прославленные» вояки остаются для них милыми дедушками. О защитниках Руси, да и мира от фашизма Запад пишет другие методички. Налицо тройные стандарты.

Геноцид народов недопустим, но чаще всего сам ход жизни определяет судьбы государств и народов. Русское государство, в отличие от стран Западной Европы, не допускало геноцида, но допускало защиту и наказание, заботу и просвещение!

«Как об этом не знать татарам и тюркам России, они в отличие от южных собратьев более образованы и развиты благодаря русскому языку и русскому образованию» – об этом напомнил собратьям политолог Руслан Курбанов.

Основателем Мангытского юрта (его потом будут знать, как Ногайскую орду) стал Едигей, знаменитый темник Золотой Орды, выходец из племени мангытов. Первоначально территория юрта занимала земли между Волгой и Уралом. В 90-е годы XIV века Едигей вёл войны с Тохтамышем за господство в Золотой Орде. Не будучи чингизидом, Едигей не имел права на ханский титул, хотя в 1396–1411 гг. был фактически правителем Орды. Он оставался беклярбеком вплоть до самой смерти в 1419 г. Едигей не был самостоятельным ханом, Запад использовал его как противовес чингизидам для упразднения в дальнейшем Золотой Орды. При Едигее произошло постепенное обособление Мангытского юрта, а его территория расширилась в её степной части до Западной Сибири. Ногайская Орда стала независимой к 1440 г. Роль Ногайской Орды – кочевых узбеков, а потом и казахов – всегда была значительной в Золотой Орде. Но кочевая цивилизация неумолимо уходила в прошлое. Не только шариат занял место нравственного кодекса Чингисхана, но и доблесть степных воинов оказалась во многом забытой.

«Следует вспомнить, что во время возвращения Казани Иваном Грозным ногайцы и крымчаки поддержали прозападную партию, которую вели турецкие султаны. По сути, ногайцы пошли против татар Поволжья, бывших в союзе с Москвой», – это пишет уже другой татарский историк Гали Еникеев в книге «Корона ордынской империи».

Итак, в период распада Золотой Орды ногайцы были одним из инструментов её разрушения. А ведь они являются скифо-сакской ветвью нашего народа.

А вот ещё одно «откровение»: «Суворов участвовал в подавлении восстания мордовского народа. Мы не будем хранить память о нём», – так высказался представитель прозападной элиты одного из родов мордвы.

Да, и нашей братской мордве подбрасывают претензии к русскому народу. В случае с мордвой вообще сложно найти документально доказанные сведения – по причине их крайней скупости. Известно: перед нашествием на Русь Батые мордва была разделена на два рода, возглавляемые двумя князьями – Пургасом и Пурешем, которые воевали друг с другом. Владения каждого из них являлись Русью – Пургасовой и Пурешевой.

Пуреш, по свидетельству древнейшей Лаврентьевской летописи, был «ротником Юрия» – владимирского князя. Именно он в союзе с половцами

разбил войско Пургаса после того, как тот попытался захватить Нижний Новгород. Дальнейших сведений о князе эрзян Пургасе не сохранилось, как не осталось и фольклора, связанного с его именем. Всё последующее – домыслы националистически ориентированных историков и художественная литература.

Имя князя мокши Пуреша нашло отражение в источниках, связанных с ордынским походом в Западную Европу. Пуреш, дабы не накликать погибель на род свой, согласился стать вассалом хана Бату, как, впрочем, и некоторые правители других родов.

Последовала обычная для Орды мобилизация каждого десятого мужчины в войско, которое и возглавил Пуреш. Они дошли до Польши – именно их войско было на острие успешного штурма Люблина и Завихоста. Для ордынских полководцев было излюбленной тактикой выдвигать под первый удар войска, составленные из покорённых народов. То, что мордва и славяне была на острие штурма крепостей, нет ничего предосудительного. Конница не берёт стены, она работает в поле. В феврале 1241 года пал Сандомир, в марте – Краков. Передовые отряды понесли огромные потери. И Пуреш попросил Субэдэя, возглавлявшего поход, о передышке. Субэдэй выслушал аргументы и согласился дать отдых войску. Но велел сдать оружие, которое, дескать, понадобится вновь прибывающим туменам, а отдохнувших пообещал вооружить из следующих поставок вооружения.

Однако Пуреш попытался перехитрить Субэдэя – послал гонцов к Генриху Благочестивому, стоящему с польско-немецкой армией под Легницей. Он надеялся договориться о союзе с ним, предложить план: пусть спереди по монголам ударит Генрих, а в это время сзади восстанут его воины. Германцы проводили постоянные провокации против Руси и Орды. Посетивший мокшанскую область иностранец Рубруквис свидетельствует: «Моксель (мокша) очень одобряет германцев, надеясь, что при их посредстве они освободятся от рабства татар и русов». Сценарий продолжает осуществляться...

Итог же намерений Пуреша оказался плачевным. Скорее всего, посланцы были схвачены, ночью на отдыхающее и безоружное войско Пуреша напали воины Субэдэя. В живых остались немногие. Князь и его сын были убиты. Что касается Генриха Благочестивого, то его тоже ждала смерть. Он потерпел поражение под Легницей и пал на поле боя.

Вот и вся правда.

Или возьмём местную, пензенскую историю.

В 1237 году состоялась битва в окрестностях так называемого Золотаревского городища (это современное название). Сражение было ожесточённым, но шансов у защитников не было. И снова взаимные обвинения и нападки, снова версии «историков». Хотя чего бы проще: на богатый тор-

гово-ремесленный город, в котором мирно жили разные народы – болгары, русские, мокша, эрзя и другие, напал один из передовых ордынских отрядов, тоже состоящий из воинов от разных родов: «Свои» посекали «своих», город сожгли.

Так же один из ордынских отрядов мокши напал на русскую деревню неподалёку от сегодняшней Сосновки и вырезал всех поголовно, а избы сжёг. Это место в Бессоновском районе Пензенской области доньше называется Мертовщина. Исполнив свою карательную миссию, отряд расположился на ночлег в овражке неподалёку. А под утро собравшиеся жители округи, в основном тоже мокша, напали на уставших от резни, спящих «хероев» и вырезали их. Селения этого теперь нет, но Мёртовский овраг помнит всё.

Это стихотворение посвящено хранителю мокша языка, нашему другу В. Д. Алемайкиной.

Мёртовский овраг

Ветром спутанные травы,
как аркан, треножат ноги,
а в низине – по трясине –
выше маковки бурьян.
Здесь погибли и славы
всласть вкусили мокши боги,
духом Калмы¹ и Вармавы²
полон Мёртовский овраг.
Сквозь туман отравный синий
рвутся в поиске подмоги
ввысь конёвник да тимьян –
дотемна спешат упиться
брагой красного заката,
всё забыть и позабыться,
чтоб не снилось, как когда-то
ветер был от крови пьян.
Поросли былльём тревоги.
Стороной прошли дороги.
Выпь в болотце долю кличет.
Коршун, выследив добычу,
камнем падает в бурьян.

---

¹ Калма (мокш.) – могила, вечный дом.

² Вармава (мокш.) – божество, покровительница ветра.

Следует отметить, мы не нашли источников, подтверждающих, что А. В. Суворов подавлял мордовские восстания, следовательно, на волне подпевания западным провокаторам, глашатай «против Суворова», используя доверие мордвы, ставил перед собой цель вновь обвинить во всём русских.

Третий мордовский род шокша не поддавался на политические интриги, что говорит о его стойкости к провокациям и верности родной земле.

С чем же на самом деле связана нелюбовь некоторых наших современников к Генералиссимусу А. В. Суворову, сохранившему для нас ОТЕЧЕСТВО? Ведь не будь побед Суворова, границы Турции могли бы оказаться у Рязани.

Проведём небольшой экскурс по временам, предшествующим появлению на исторической сцене А. В. Суворова. И тут обнаруживаются интересные совпадения, которые объединяют обиженных на Родину.

Во-первых, все фигуранты претензий имели в своём окружении предков, которые откровенно работали на западные спецслужбы. Посредниками и возмутителями данного спектакля являлись рыцари запада, Турция и её сателлиты, в том числе некоторые лидеры «народных» восстаний.

Во-вторых, раздражает политтехнологов русскость А. В. Суворова – «Мы русские! С нами БОГ!» – не по нраву русофобам всех эпох. А во времена А. В. Суворова никто из родов Руси не был против того, что, воюя под началом Суворова, он тоже несёт русское знамя в душе. А это и есть залог победы! Бог с нами, и он говорит по-русски!

Выводы очевидны: на Руси были объединённые войска, состоящие из родов Руси – Орды. В нашествии на Запад участвовали разные рода. Обострение отношений Руси с Западом произошло по причине отказа большинства русских князей принять католическую веру. А в Орде, как известно, все религиозные течения были равноправны, кроме агрессивных.

В послеордынское время усилилось вхождение западной агентуры в государственный аппарат России. Создавались условия для недовольства существующим положением у разных её родов. Западниками провоцировались и проплачивались «народные восстания», в которые вовлекались «национальные» силы с претензиями на возвращение «своих» земель.

В клевете на Россию донныне упражняются и некоторые украинские «историки», например, Юрій Гарматний. «Справжня історія України-Русі та Московії. Національно-визвольна боротьба поневолених Московією народів».

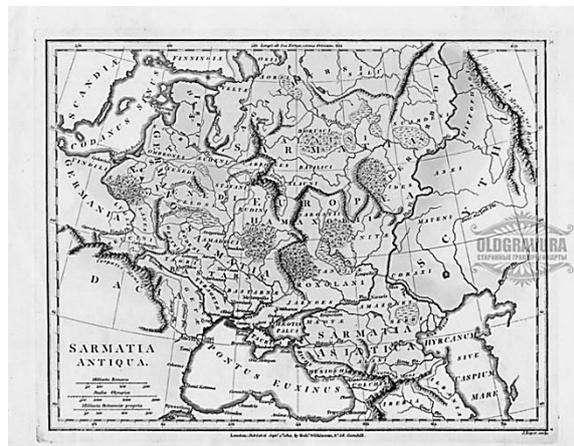
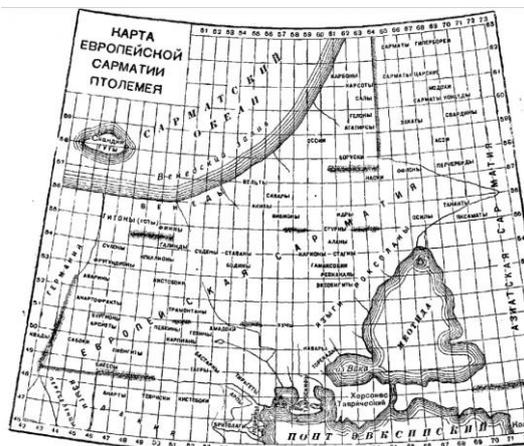
Нацист Ю. Гарматний тиражирует зависть к непобедимому А. В. Суворову под бредом «Генерал-каратель Суворов».

Не оставляли иезуитских попыток столкнуть русский и мордовский народы во взаимных «обвинениях» троцкисты. Например, в 1931 году в

Центр Издате Москвы вышла провокационная книга Т. В. Васильева «Борьба за независимость Мордовских народов».

Мы предлагаем читателям ознакомиться с картой Птолемея (начало XX в.) и изданной в Лондоне картой, отображающей население Европы в Средневековье.

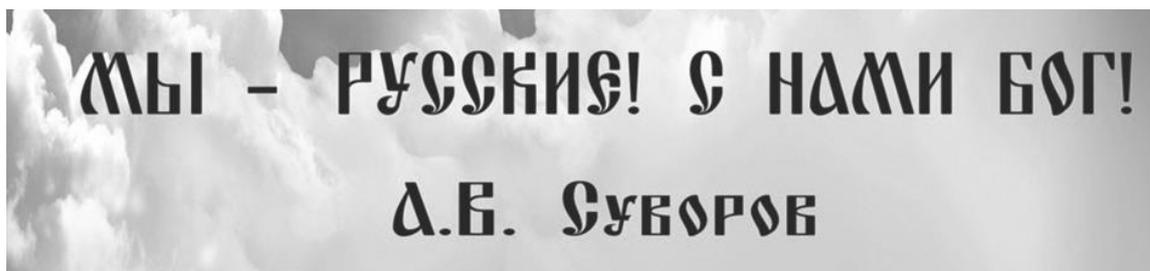
А касаясь мордовского народа необходимы уточнения.

Эрзя – вышедший из Югры (с Северного Урала) род, занявший южное побережье Балтики и север Руси, то есть балтийские русы.

Мокша – род одной с ними волны, вернувшийся с того же Северного Урала в центр Гардарики – Руси. Они расселились ближе к русам юга, сарматам и скифам, которые, со временем разделились на множество новых родов.

Шокша – саксы были соратниками скифо-сарматского мира. Отмечены как воеводы победители.

Наш сурский край издревле был местом святилищ проживавших здесь родов. А рода, объединяясь, создают народы. И совершенно очевидно, что события прошлого, со спровоцированными внутренними обстоятельствами и радостно поддержанными и проплаченными извне повстанческими движениями, сегодня используются для того, чтобы опорочить подлинных защитников Отечества. И мордовский народ должен знать, что А. В. Суворов своими победами сохранил их самобытность. Он помнил, что в детстве его лечили знахари-мокша.

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное Обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького, главный редактор портала «Правчтение» издательского совета РПЦ.

Неотменимая ценность (продолжение)

Книги, выносимые в подъезд, – символ уже не первого десятилетия. Сначала туда стыдливо, но уже с осознанием личного выбора, прошеествовали труды классиков марксизма-ленинизма. Правило, обязывающее иметь их дома (мало ли, понадобятся для оформления какого-либо труда хоть по племенному коневодству неременной вступительной цитатой), треснуло, и чёрные, коричневые, фундаментально изданные красавцы уехали на свалки, в макулатуру.

Кругооборот бумаги в природе... а ведь совсем недавно наши родители покупали книги по талонам! «69 килограммов макулатуры – это одно спасённое дерево», – гласила последняя строка «макулатурной книги». Что там было? Морис Дрюон? Дюма-сын? Виктор Астафьев? И они тоже: специальные отделы появились даже в обычных книжных магазинах...

Менделями-букинистами из нашего колена ещё никто не стал: слишком молоды для осанистых бород и служб в тихих уголках, куда не достигают беспощадные лучи времени. Московские, питерские книжники и двести, и триста лет назад, и сегодня – порода редкая. Но детской веры ничто не перебивает, включая игровые приставки. Владение книгой (всегда почему-то включается обоняние) – абсолютная, не отменимая ценность.

Фраза о том, что книга, видите ли, и должна стоить дорого, потому что она есть «развлечение для богатых», может вызвать у моего колена бешенство, потому что именно её абсолютная, широчайшая доступность и есть Просвещение, эманации которого прошили сквозь ткань времён всё наше сознание.

Мы не в силах понять собственных детей, ищущих убежища в смартфонных играх, потому что они – не владельцы используемых игр.

С книгами и впрямь что-то произошло. Маленьким я досадовал на домашнюю библиотеку отца: она на шесть седьмых была технической, изобиловала графиками и таблицами, в которых развлечься можно было лишь запоминанием экзотических констант. Отец оправдывался: библиотеку оставил за Кавказским хребтом, в первые годы не перевёз, а были там и Золя, и Анатолий Франс, и Бог ещё знает, кто был... их я так и не увидел. Надо было собирать свою библиотеку, но то безденежье... издания 1990-х на жуткой бумаге с жутким оформлением, вёрсткой на примитивных компьютерах вряд ли станут когда-нибудь какой-либо ценностью, кроме библиографической.

Каюсь: и сам выносил в подъезд то, что читать уже не стану ни при каких обстоятельствах. На полках годами скапливается нечто вроде «копоти»: дарёная ерунда, иногда с автографами, иногда без, и всяческая глупость людская, которую стыдно выкидывать сразу из инстинктивного почтения к институту книгоиздания.

Отчего бы, махом расходуя по ползарплаты в месяц, не собирать книги сейчас? Качество отменное... Объясниться просто: девать некуда. В обычную московскую квартиру входит до двух-трёх тысяч томов, но больше она выдерживать попросту перестаёт.

Странное мы, искусственно выведенное, маложизнеспособное состояние: не дворяне, собственных домов с отдельными библиотеками нет, и не предвидится, даже сельских, а идеалы – те же. Дело даже не в уединении, а в жажде познать сокровенную суть жизни, даже если этой сути и не было никогда, а выдумана она тысячелетними нациями для того, чтобы мы, колено за коленом, не превращались при жизни своей в животных.

И вот что ещё странно: такой, казалось бы, книжный XX век породил такое количество садистов и палачей, что книги до сих пор не могут понять, что они упустили. Пели о добре, о славе, о подвигах и величии, а люди заряжали и заряжали наганы, трёхлинейки и максимы, и разряжали и разряжали их в таких же, как сами, людей... Необъяснимо.

В книжный зайти невозможно: обложки оглушают, тематические разделы разочаровывают, «седмица» коммерсантов от прозы родом из «Большой книги» или «Национального бестселлера» угнетают. Цена их томам – грош в базарный день. Неужели кто-то, привлечённый рекламой, ещё и покупает их, чтобы «держаться в курсе»? Вязание, домоводство, «рыночные» самоучители, многополярные советы дураков дуракам... Пока весь этот хлам имеет спрос, будет и предложение.

Дурные времена: издатели поставили писателей к станку обслуживать киноиндустрию. Мало какая голливудская поделка не имеет «книжной» точки приложения. «Книгами» считаются сегодня и комиксы, и никому не нужные прикладные пособия на самые вздорные темы. Нет – Книги. Нет – Тайны. И нет – Культуры.

В 2020-м году мир празднует Книгу как феномен, взрастивший цивилизацию. Зарубки, оставляемые книгами на стволах великих столиц, блистательно завершившихся строительств, истребительных эпох, крепко вжились и в электронную сферу нынешнего человеческого взаимодействия.

Чему же мы не ложно поклоняемся? Духу памяти, одинокому думанию и чувствованию, способному превзойти человеческую жизнь, вписать её в «классику» уникальностью личного профиля.

Здесь – водораздел между безумием и умом, совестью и бессовестностью. Жить в мире без ясных перспектив способен лишь читатель книг, и читатель одарённый, пускающий все свои душевные силы на раскрытие тайны текста. Читатели поверхностные обречены обманываться каждый раз, когда встречаются с текстом лицом к лицу, как и гнусно кривляющееся множество дешёвых толкователей смыслов. Текст от века есть наше совокупное лицо, наше оправдание перед вечностью. И лучшая доля родившегося – пытаться прибавить к нему пару глубоко индивидуальных черт, не исказив общее выражение его ни злобой, ни коварством, ни цинической ухмылкой.

* * *

Исчерпаны ли традиционные жанры в России? Люди, воспитанные на них, всё ещё нуждаются и в них, и в преобразовании существующего канона, но преобразовании опять-таки в согласии с традицией, то есть, традиционном и пришедшем изнутри, а не навязанном извне.

С одной стороны, народу в его абсолютном большинстве давно уже не до литературы, и традиционные жанры вызывают в новых поколениях почти недоумение и скуку, но с другой стороны, традиция тем и традиция, что жанры эти – классическая пьеса, скульптура, роман или стихотворение – просты и величественны. На них лежит отблеск великих лет, и язык, на котором они говорят с людьми, понятен и близок практически любому человеку, если он удостоит эти произведения своим вниманием, вслушается и всмотрится в них.

Если допустить, что русская творческая интеллигенция так и не нашла общего языка с народом в дореволюционное, пореволюционное советское и постсоветское время, не стоит нанимать для разрешения внутренних проблем посредника в виде западноевропейского посредника-консультанта «по вопросам чёрной и белой магии». Ни к чему путному, кроме оглушения людей и отвержения ими навязанных ими образцов, такая культурная политика привести по определению не сможет.

Юмор

Андрей Лядов

Лядов Андрей Александрович родился 15 января 1989 года в городе Пензе. Окончил Академию МНЭПУ по специальности «менеджмент организации».

Автор сборников юмористических рассказов «Сладкий капот» и «Волшебный самовар». Публиковался в альманахе «Четверги», в сборниках «Наша весёлая планета» и «Наши смехотворения».

Лауреат международного конкурса юмора «Germania goldener Granl» им. Джерома Клапки Джерома.

Живёт в Пензе.

Модная стрижка

Есть такие люди, которые никогда не признают своих ошибок, что бы они ни сделали. Как-то произошёл со мной такой случай. Сажу на лавочке возле учебной парикмахерской. Подходит девушка и говорит:

– Молодой человек, нельзя ходить с такой несовременной стрижкой, пойдёмте, я вас постригу, у меня огромный опыт, я очень хорошо стригу.

– Странно, – говорю, – такая молодая, а опыт огромный.

– Да, и такое бывает, – отвечает. Подумал, а почему бы и нет, причёска у меня, наверное, и в самом деле несовременная. Сел в кресло с полной уверенностью, что выйду отсюда красавцем с шикарной стрижкой. Она взяла машинку для стрижки, сбрила чёлку и говорит:

– Ой, а тебе с чёлкой или без?

– Вообще-то, я предпочитаю с чёлкой, но к чему этот вопрос, если Вы мне её уже отстригли?

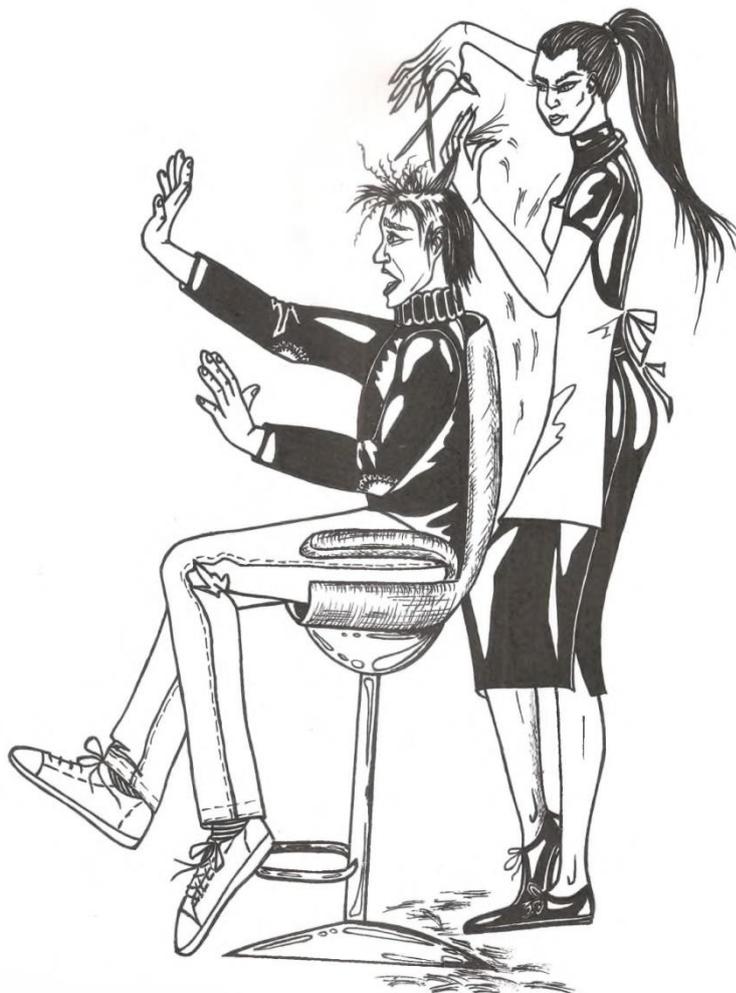
– Да? Говорить надо, прежде чем садиться, с чёлкой вам или нет. Как можно приходиться таким неподготовленным?

– В следующий раз приду подготовленным. Вы же мне обещали модную стрижку, так что всё в Ваших руках. Через какое-то время она за-

кончила. И мои надежды на красивую стрижку растаяли: волосы торчали, как будто я сам себя стриг в темноте.

– Что же Вы наделали? Обещали ведь модную причёску... – Подумаешь, немного скосила, вот тут можно лаком, а вот здесь сейчас отстригу.

– Нет, нет, больше не дотрагивайтесь!

– Ой, ну, я не знаю, мужчина ты или нет. Ведёшь себя, как девочка.

– Как же, я доверил Вам свои волосы, а Вы всё испортили.

– У тебя голова неправильной формы. Вчера на манекене у меня хорошо получилось.

– Как на манекене? Сказали же, что у Вас большой опыт.

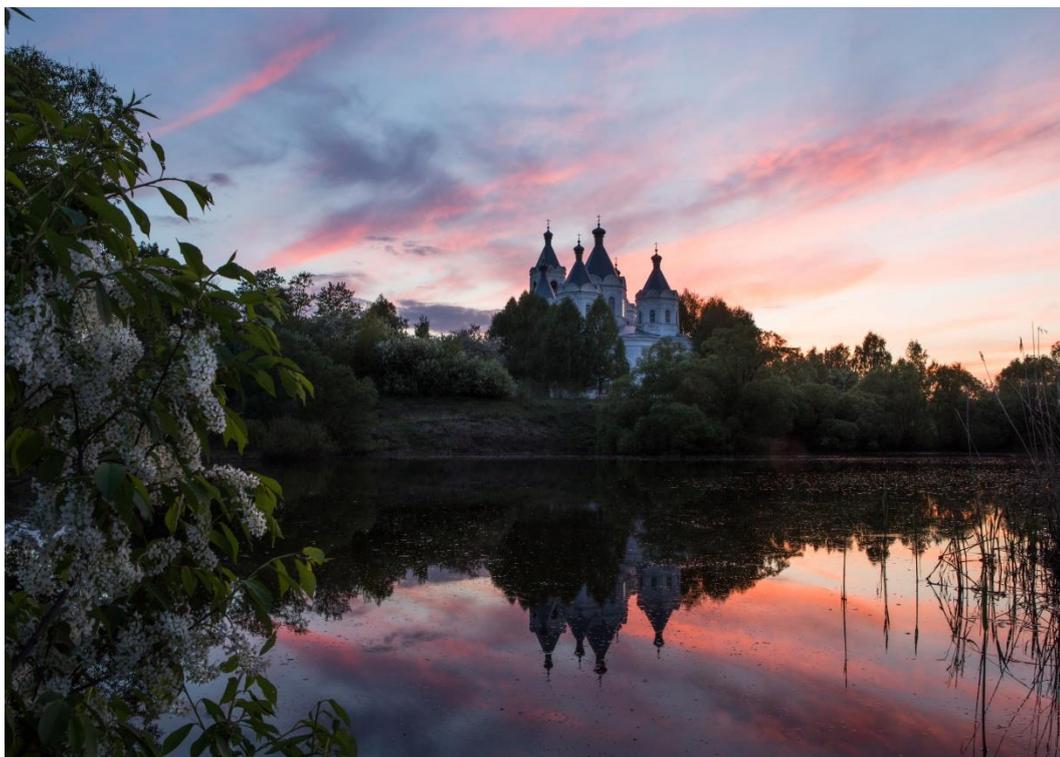
– Ну, ты даёшь! Кто же верит рекламе? Если бы я сказала, что никогда не стригла людей, ты пошёл бы?

– Нет, конечно!

– Ну вот, а ты меня пойми, мне же учиться надо, опыт нужно набирать, а кому сейчас легко? Да и вообще, у парикмахеров нет брака. Отрастёт.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
"ПЕНЗОВЕД.РФ", основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валентина Алемайкина

Валентина Дмитриевна Алемайкина родилась 1 сентября 1947 года в с. Кижеватово Пензенской области.

Окончила историко-филологический факультет Пензенского государственного института им. В. Г. Белинского. Работала учителем русского языка и литературы в с. Степановка Пензенской области.

Автор книг «Дело о церкви», «Дмитрий Иванович Менделеев и Калмыковы из Мордовской Норки» и материалов по мокша языку и фольклору с. Кижеватово.

Д. И. Менделеев и Калмыковы из Мордовской Норки

С Натальей Филипповной Прокиной я познакомилась в Московском обществе мордовской культуры «Масторава». Знакомство продолжилось в переписке. И когда я снова приехала в Москву, мы целый день провели на Новодевичьем кладбище, где похоронены близкие Натальи Филипповны. Тогда я узнала, что родом она из села Мордовская Норка Пензенской области. Великолепная рассказчица, Наталья Филипповна увлекла меня рассказами о событиях, пережитых её семьёй.

Я сравнивала судьбы героев её воспоминаний с жизнью моих предков, живших в таком же мордовском селе. Но их судьбы сложились совсем не так.

– Как получилось, что в бедной мордовской семье дети стали образованными?

Когда дед Илья Федотович служил в армии, его, как и других рекрутов, обучали русскому языку. Затем он служил денщиком. А офицеры того времени были людьми довольно образованными. Освоив азы грамоты, дед решил во что бы то ни стало дать образование своим детям. Перед свадь-

бой он сказал своей будущей жене: «Как бы беден я ни был, я буду стараться обучить детей грамоте».

И ему помог случай...

Дмитрий Иванович Менделеев ехал в село Аряш Саратовской губернии к своей дочери, которая родила ему внука. Путь пролегал через Пензенскую губернию. Началась метель. Возница сбился с дороги и, увидев внизу огоньки селения, завернул в него. Так он оказался в Мордовской Норке.

Кучер постучался в крайний дом, попросились переночевать. Встретили путников приветливо, как принято в крестьянских семьях. Ночных неожиданных гостей напоили чаем, уложили на лавки спать. Дмитрия Ивановича удивило, что дети сидели за столом и читали Библию. Маленькие ребятишки из глухого мордовского села – грамотные – это было тогда необычным явлением.

Утром Дмитрий Иванович рассказал деду, куда и к кому он едет, а затем добавил, что он, как человек верующий, считает, что Бог помог ему спастись в такую метель, и он хочет сделать богоугодное дело.

– Не хотят ли твои дети учиться? – спросил Дмитрий Иванович.

Дед ответил, что очень хотят, да не по средствам и негде.

Осенью из Аряша к Калмыковым прибыл человек на телеге с запиской от помещика Трирогова, свёкра дочери Менделеева, и забрал троих детей в пансионат. Владимир Григорьевич Трирогов был человеком большой культуры – окончил Санкт-Петербургский университет, служил в Саратовском губернском статистическом комитете, министерстве государственных имуществ, был действительным членом Русского географического общества, автором нескольких книг.

Его жена Наталья Алексеевна – дочь известного лингвиста А. А. Шахматова – построила в Аряше сельскую школу-пансионат, где обучались крестьянские дети.

Трирогов организовывал встречи учащихся с такими учёными, как Алексей Александрович Шахматов и Макар Евсевьевич Евсевьев – первый мордовский учёный-энциклопедист и просветитель своего народа. Летом учащиеся участвовали в фольклорных экспедициях по Саратовской и Пензенской губерниям. Собирали материал для выставки в Париже, помогали М. Е. Евсевьеву в сборе фольклора, костюмов, за которые М. Е. Евсевьев получил Первую премию в Париже. Впоследствии выпускники пансионата могли работать учителями в церковно-приходских школах.

Трироговскую школу окончили 12 детей Калмыковых: 8 родных и 4 усыновлённых, детей калмыков. Старшие дети, те, которые первыми поехали в пансионат – Иван, Ксения и Анна после пансионата в Аряше успешно сдали экстерном экзамены на звание церковно-приходских учителей в г. Петровске Саратовской губернии.

Иван был старшим в семье. По совету Менделеева после окончания школы в Аряше, а учился он хорошо, поступил в духовную семинарию в Пензе, где обучение его также оплачивал Д. И. Менделеев. Он стал священником.

Вторым ребёнком в семье была Анна. Она тоже выдержала экзамен в Петровске и стала учительницей начальных классов, всю жизнь проработала в Мордовской Норке.

Ксения после окончания школы в Аряше поступила на фельдшерские курсы в Саратове, а потом окончила филологический факультет Саратовского университета и преподавала в Петровском педагогическом техникуме.

Затем Евсевьев вызвал Ксению в Москву для учёбы в аспирантуре, где она защитила диссертацию и была направлена на работу в Краснослободский педагогический техникум.

Школу в Аряше окончила также Устина, Стина, как её называли близкие, потом она училась на фельдшерских курсах и на историческом факультете Саратовского университета.

Член коммунистической партии с 1921 г., она была секретарем первичной парторганизации. Преподавала на рабфаке, в Саранской совпартшколе.

Как и всем детям Ильи Федотовича, дверь в мир и профессию Фёдору открыла аряшская школа. Потом он увлекся медициной, поступил на фельдшерские курсы, затем в Саратовский медицинский институт, окончил его и всю жизнь работал хирургом в Саратовской губернии, в Ульяновске, в Зарайске, во время Великой Отечественной войны тоже был хирургом.

Когда началась гражданская война, Николай с другом убежал из дома, чтобы успеть принять участие в сражениях. На Украине он попал в Конную армию Будённого, ведь он был замечательным наездником, так как часто ездил в детстве с отцом в калмыцкие степи.

Служил Николай денщиком у Пархоменко.

Будённый каждое лето вызывал в Подмосковье, под Одинцово, своих конников. Там стояла конная часть Доватора. «Я помню, как дядя Коля приезжал с сыновьями. Он был огромного роста, в бурке, в сапогах со шпорами», – продолжала повествование Наталья Филипповна. – Здесь, под Москвой, он и погиб в начале войны.

После школы в Аряше тётя Лена, Елечка, закончила фельдшерские курсы, затем Саратовский медицинский институт. В 1936 году переехала в Москву и работала педиатром в Бауманском районе».

Предпоследним ребёнком в семье был Павел. Он поступил в Ульяновское лётное училище, окончил его, потом был на фронте. А после войны работал заведующим учебной частью лётного училища в Сталинграде, где прожил всю оставшуюся жизнь.

Младший из братьев Калмыковых Александр окончил Петровское педагогическое училище, потом работал директором школы в Саранске и в Пензе в железнодорожной школе. После войны вернулся в Пензу, а в 1954 году переехал в Заречный, где тоже был директором школы.

Младшая из сестер Пелагея Ильинична Калмыкова в автобиографии пишет:

«Родилась в октябре 1897 года в с. Мордовская Норка Мачкаской волости Петровского уезда Саратовской губернии в мордовской крестьянской семье одиннадцатым ребенком. По всем данным, отец ...служил в Элисте Астраханской губернии, где я окончила начальную церковно-приходскую школу в селе Кормовом. В 1909 году он привёз нас на родину к старшим детям. К этому времени из 15 человек у него осталось 10. Причём старшие две сестры окончили сельскую двухклассную школу, выдержали экстернат на учительниц начальных классов и работали, помогая учить остальных. Больше уже отец никуда не уезжал и занимался до своей смерти (1922 год) сельским хозяйством. Моя очередь учиться во второклассной школе дошла, когда исполнилось мне 15 лет. В 1913–1917 гг. училась в школе в с. Колояр Вольского уезда Саратовской губернии, но окончить не удалось. В 1917 году я держала экзамен экстерном на звание учительницы начальных классов и начала работать, чтобы помогать учиться двум младшим братьям».

(Из архива Пензенского Государственного университета).

Началась революция, гражданская война. В 1921 году Пелагея вступила в партию. Причём, всю жизнь она была преданным, очень инициативным членом партии, с которой была связана вся её работа.

«В партию вступила в 1919 году, но в 1920 году, выехав на родину по семейным обстоятельствам, с временным удостоверением, вместо не полученного ещё партбилета. В 1921 году, вернувшись на прежнюю работу, я вновь вступила, и с тех пор являюсь членом ВКП(б)».

В гражданскую войну во время восстания эсеров она попала в тюрьму. Один эсер потерял ноги, его жену убили большевики. Во время восстания он стал командиром, ездил на бричке с пулемётом. Каждый раз, когда он брал в плен красных, строил их, и у сына-мальчишки спрашивал: «Ты через сколько человек будешь стрелять?» – «Через десять». Значит, десять человек отсчитывает, в одиннадцатого стреляет. Пелагею дважды выводили на расстрел, но она никогда не оказывалась одиннадцатой.

С 1923 по 1926 Пелагея училась в Петроградском Коммунистическом университете, закончила и была назначена на должность пропагандиста пропгруппы ЦК ВКП (б).

Продолжение следует...

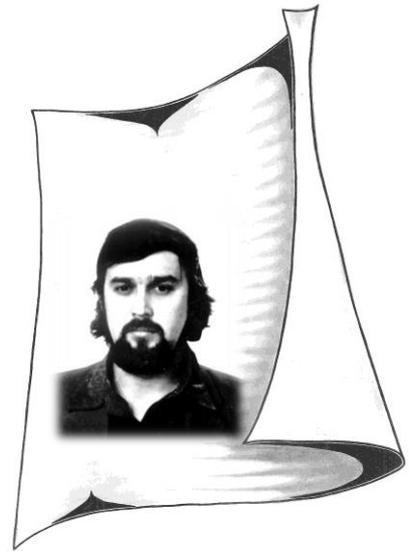

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Киктенко

Вячеслав Вячеславович Киктенко родился 1 мая 1952 г. в Алма-Ате. Советский, русский писатель, переводчик, литературовед. Автор нескольких книг стихотворений, прозы и множества публикаций в периодике.

Написана грамотка по синему бархату...

Заметки о Поэзии, а также о некоторых поэтических странностях, вроде зачистки клемм, проводки и прочей «мелочи»

«Да это же холуйский трёп! Болтовня рабов, обуянных гордыней и дерзостью в отсутствии (мнимом на поверку) Господина!.. это бессовестно!» – Примерно с такой степенью высокопарности, помнится, хотелось в молодости воскликнуть ввиду разгорающейся очередной дискуссии поэтов о... Поэзии. О той Поэзии, которая сама ведь – божество, не иначе....

И это восклицание не казалось высокопарным.

Тогда, в 60-80-х годах 20-го века недоступны были труды Сергия Трубецкого, Павла Флоренского, не говоря уже о Иоанне Кронштадском... тогда думалось – что ни скажи о Сокровенном, всё будет вздором, пошлостью, и лучше молчать, переживая самое тайное только в себе.

Это и сейчас верно по сути, но теперь, когда всем открыты слова умнейших, деликатнейших и смиреннейших богословов, понимаешь – даже о Творце можно сказать достойные слова, пусть даже они исходят от Его производного, от Его творения – тварного существа.

А что? Если истинно верующий человек – раб Божий, и ни капельки не стыдится этого своего «статуса», то ведь для истинного поэта также несомненна и совсем не оскорбительна его преданность своему божеству – Поэзии. Но когда раб Божий начинает рассуждать о своём Господине, ко-

торый умонепостигаем, он рискует впадением в грех. Он ведь теперь, рассуждая, даже помимо воли вынужден поминать имя Господа всуе, попросту забалтывать самые высокие сущности. Как заболтали их в начале 20 века декаденты, философы, богоискатели в своих теософских кружках и шабашах.

Но неточно было бы отождествлять поэзию и религию. Сказано умным французом: «Поэзия – сестра религии». И верно, немало известно семей, где одна сестра монахиня, а другая – весьма ветреная особа. Да и сами священники порою склонны приравнивать искусство к греху, к искусству...

Достаточно взять любое каноническое Евангелие, чтобы убедиться – никаких поэтов, художников, музыкантов там нет. Их как будто и вовсе не было в то время. А ведь были, были! Это доподлинно известно. Но Спаситель избирал не их. Кого угодно – мытарей, рыбарей, блудниц... Он не любил фарисеев, книжников, да и всю образованную аристократию недолюбливал. А ведь именно из этой среды нередко возникали художники, философы, поэты. Но их как бы не существовало для Него. Он нес людям Любовь, Свободу. Но не культуру.

Культура для Него – тот же культ, кумирня. Подозреваю, что именно культура стала самой коварной (прекрасно обольстительной и почти прозрачной) стеной, вставшей меж Ним и нами. Он ценил – простоту, простодушие. Но не изыски.

Я всегда считал, что поэзия – это язычество, пантеизм, детство человечества. И когда в перестройку стали появляться словосочетания вроде «христианская поэзия», «православная лирика», для меня это было дико. Христианство – взросление человека, человечества. Ему не так важны инфантильные, многообразные эмоции и суждения. Ему нужно другое – трезвое, мужественное отношение к жизни и смерти. То есть, относительно к творчеству, чистый лирический (лироэпический и проч.) тон. Быть может там, в горних, различают лишь тональность сказанного здесь. Вот, к примеру – минор. А вот – мажор. И довольно. Полутона, нюансы, переливы остаются уделом и достоянием земным. В горних же слышат лишь: «Ой, Дид-Ладо!..», «Таусень, таусень!..», «Эвоа, эвоа!..»... – Гнев. Скорбь. Ликование. Только чистый тон.

Но тут поневоле вспоминается история с великим Велемиром, который и явился-то миру в не самые плохие для поэзии времена, – в революционные! И то всю свою жизнь (жизнь героя, пророка) проходил в чудачках, в белых воронах. Великан оказался не по росту мельчающей эпохе. Истинные поэты его приняли сразу, и даже вознесли безоговорочно выше самих себя, уж, конечно же, откровенно любимых собою. Это ведь немало стоило! И мужества требовало, и предельной честности в жёсткой самооценке.

Но истинных всегда единицы. А публичный бал правят лилипуты. Хлебников лишний на их балу. Он неудобен, громаден, он может разрушить уютную обстановку... он опасен попросту! И его объявляют чем-то неудобоваримым, малопригодным к восприятию. Вопрос – к чьему восприятию? К восприятию тех, кто диктует лилипутские нормы?

Итог – его, мифотворца, гимнопевца, титана, дерзнувшего воссоздать и возродить великий русский эпос (да, языческий, народный, а какой ещё он бывает, эпос?), и поныне считают его чем-то сторонним, «обочинным» в русской поэзии. Чуть ли не за юрода выдают. И многие верят, ведь им «взрослые объяснили», – в учебнике, в школе, в институте... и пошло, и поехало по инерции...

«Гнев, о, богиня, воспой...» – вот самый сильный и определённый тон. Сильнее потом уже не было в поэзии. Да и гимнопевцы перевелись со временем. Не оттого ли и диагноз этот печальный – общее снижение Поэзии во времени, обраставшем буржуазностью, снижение её полёта, или хотя бы её устремлённости вверх... и, как закономерная неизбежность, понижение самого статуса поэта.

Был пророк, гимнопевец, псалмопевец, а стал... бытописатель. Мастер деталей. Певец альковных утех. Если же и дерзнёт, если и отважится современник на «высокий штиль», на разговор «олимпийский», а не кухонный, общежитейский, – сочтут безумцем. А вернее всего графоманом. О чём публично будет объявлено каким-нибудь критическим «авторитетом». Это в лучшем случае, это лишь в том случае, когда «безумец» окажется достаточно ярким, и не заметить его будет уже невозможно.

Державин днесь не нужен. Он не просто смешон, – его «пипл не хавает».

Николай Рубцов сказал о поэзии: «И не она от нас зависит, а мы зависим от неё». Под этими словами, я думаю, подписался бы каждый, окунувшийся в истинно поэтическую стихию, однажды и навсегда ошеломлённый ею. Ибо понял: вынудить самого себя написать что-либо стоящее без соизволения свыше – невозможно.

Тут возникает мотив служения, божественный мотив. Потому, наверно, и казались мне бессовестными все рассуждения низшего (поэта) о высшем (Поэзии), подчинённого о господствующем. Тем более что лишь в 20 веке стали возможны хамские уверения – «Я – гений...». В веке же 18, и даже ещё в 19 приличествовала иная, гораздо более самоосознающая форма: «Мой Гений». Или о ком-то: «Его Гений», «Он осенён (чаще – он осеняем) Гением». А ты, – кто ты, даже пишущий, даже весьма ловко пишущий человек? Ты, по В. Хлебникову – «бревно мяса». Чтобы это «бревно» одухотворилось, задышало, запело, нужно ой как много чего ещё, кроме одного желания публично проораться...

Но со временем стал я осознавать – это не прямая зависимость, не зависимость раба от господина, но более сложная. Возможно, даже в чём-

то тождественная знаменитому паламитскому догмату: «Стяжание Благодати не по сущности, но по энергии». То есть не двоичная, а троичная связь: Божественная Сущность – Божественная Энергия – тварная сущность. Согласно догмату святого Григория Паламы, тварный мир не способен напрямую контактировать с Божественной Сущностью. Связь свою с нею он осуществляет лишь через Божественную Энергию, которая сопричастна Сущности, но способна осенять и дольний, тварный мир.

Эти византийские тонкости не так уж и темны, если вдуматься. А поэту, да и любому творческому человеку они вняты, наверное, более, чем остальным. Эта априорная данность лишь высветляется со временем в каждом художнике. И не столько умом высветляется, сколько всем глубинным творческим потенциалом, всей залежью таимого в нём, – всем тем, что при личностном духовном усилии порою счастливо проступает в Слове, которому преданно служит поэт. Служит нередко долгие годы и, конечно же, задумывается (а ночи бессонны, а зимы в России особенно долги и нерассветны) не только о Главном, но и о деталях.

Со временем для поэта на первый план выступает не безусловная иерархическая соподчинённость, не просто понимание – я зависим от высшего, от Слова, а, следовательно, моё дело не такое уж и решительное, моё дело: просить и призывать снизойти высшие силы (читай – Вдохновение), а там, как Бог даст... нет, со временем проступает немного иное понимание.

А если Бог и вправду даст, а ты окажешься не готов? Ну вот не воспримешь даваемого, или же по каким-то «техническим причинам» попросту не сможешь его воспринять в должной полноте, что тогда? Кто тогда виноват? И в чём проблема твоя – человеческая проблема?

Вот здесь на первый план выступает уже следующий момент осознания: да, я проводник чего-то высшего (простите, братцы, за высокопарность, не виноватый, мол, я, так уж случилось), и я служу... но хорошо ли служу? В чём вина моя, что недостаточно хорошо служу? Задаст себе поэт вопросец этакий, и думает, и думает...

И додумывается порою до того, что сам и виноват очень даже во многом. Если он проводник, то ведь и «проводку» надобно содержать в чистоте, чтобы сухой была, чуткой к восприятию. «Изоляция» должна быть надёжная. Не изоляция от мира, от болевых проблем, но от коварных помех, от навязываемых всё чаще темочек (всё равно – архаических или новаторских), которые к поэзии не имеют никакого отношения. И уметь отличать истинно поэтические, пронзительные ноты и темы от лжепоэтических, в пучине которых бесследно погибли сонмы.

Да и клеммы зачищать хорошенько не помешало бы.

Почаще клеммы зачищать – это не лишнее. Особенно в современном мире, где настолько переплелось техногенное, телесное, духовное, что всё

вокруг буквально, кажется, кишит разноцветными проводами. Где живой проводок, а где компьютерный, порою и не отличить. Иногда страшно бывает представить – а вдруг и генные проводочки в гигантском, во всеобщем кровопроводе человечества уже так перепутались, что начал-концов не сыскать?..

Так вот она, задача твоя непосредственная – ты от мира не заслоняйся, всё равно не получится, но и головы не теряй, а уж свою проводку, будь ласков, содержи в порядке. Клеммы чтоб всегда наготове, в чистоте и блеске были. Придёт час, призовут к «выходу на связь», а ты – спишь. Клеммы потускнели, заржавели... а времени на срочную их зачистку может и не оказаться.

Так что она, Поэзия, от нас, как раздумаешься, всё-таки и зависит. Мы от неё – безусловно, она – более условно. Но связь, но зависимость эта всё же и взаимобратного свойства. Дело тут, на поверку, может оказаться и в личностном твоём усилии, в чуткости восприятия, в готовности быть всегда «по форме номер один». Что особенно трудно в современных условиях. Не всякий способен на рынке торговать – надуют простака. А деньги-то нужны, а жрать-то хочется... стихи уже не кормят. Прежде кормили (прожить, во всяком случае, можно было), сейчас нет. А вокруг – соблазны, соблазны, соблазны... можно халтурку сварганить (навык писательский имеется), детективчик какой-никакой, романчик-бытовичок... греха большого вроде бы и нет, а вот «клеммы» – тускнеют. Тускнеют почему-то, сволочи! Да и проводка сыреет, гадина.

Непонятное дело.

Жить-то надо, разве неясно это там, откуда токи нисходят? Оттуда что, – никакого снисхождения к поэту? Похоже, что да. Никакого. «Не царское это дело» – о житейских проблемах твоих хлопотать. Выбирай сам, крутись, не крутись, а поэзия – понятие не житейское. За тобой выбор. Как жить, как писать?..

Оттого, может быть, и дискуссии о Поэзии разгораются всё чаще.

И не на шутку разгораются. Пришло, кажется, осознание, что современная проза работает в основном на таких низких орбитах, что о «Стяжании Благодати» здесь не может быть и речи. Поэзия же – иной полёт, иная высота. Здесь иногда и горнего, «простого» воздуха можно хлебнуть, а не только «сложного», многосоставного смрада понизовья.

Что касается моего поколения поэтов, рождённых в 50-60-х годах прошлого века, на его долю, мне кажется, выпала уникальная роль, а точнее испытание. Не дай Бог, чтобы это повторилось, – поколение рождённых в 70–90-х годах сомкнуло, или ещё смыкает опасно зиявшую четверть века брешь во времени. Много об этом думалось, даже приходилось говорить, но обобщить их в сегодняшней дискуссии будет впору.

Мне кажется, никогда ещё человек так обнажённо не ощущал того, что у Канта обозначено словами «нравственный закон во мне». Иными словами, никогда ещё столь беспощадно не бывал оставлен один на один с собою. Своё одиночество во Вселенной во все века человеку смягчало присутствие Бога, хотя бы в лице всей церковной конгрегации.

Закон внутренний, таким образом, хоть отчасти подменялся законом внешним, облачённым роскошными одеяниями многовековых традиций, обрядов, ритуалов, утверждённых в канон. На рубеже 19 и 20 веков, когда формы эти философски и нравственно почти исчерпали себя (или были заболтаны интеллигенцией), всё же в массе своей человечество не вышло из русла традиций сверхпокровительства. Революция как бы покончила с ними, но оставалось в живых поколение, несущее их.

Великая Отечественная война, как известно, всколыхнула вновь это состояние в народе, и опять долгое время оставалось поколение, несущее с собою традицию веры, ритуала. Но 40 лет без войны – такого ещё не бывало в 20-м веке. Вот за эти-то годы как раз и выросло, и осознало себя поколение, лишённое внешних обрядов, но несущее в себе лишь тот нравственный закон, который мы называем Совесть. И – ничего кроме. Для большинства моих сверстников, во всяком случае, это было именно так.

Вот здесь-то, в мирное время, поколение наше и подверглось жесточайшей, быть может, из всех проверок человека на прочность. – А ну-ка, мол, посмотрим, насколько он реален и крепок, этот ваш стерженёк, который называют туманным и внешне неосязаемым словом Совесть? Ведь больше-то нет – ни-че-го! – звучало нам социально-общественным искушением не только с трибун, но и со школьных, университетских аудиторий. – А вот как вы-то сами по себе, а? Отвечайте, братцы!.. взяли за перо – отвечайте. Да, мол, знаем, и раньше бывали богоборцы... но народ-то в целом веровал, а поэт – глас народа. Что же провозгласите вы теперь народу, как вы ему откроете ваш символ веры под названием Совесть? Или, если хотите, нравственный закон? Или, если хотите, категорический императив? Очень уж мелкогато у вас получается – всё я да я, а где же Мы, Народ?..

Но тут, когда так обнажена связь я – и мир, весь мир – и совесть (всеобщая весть), и всё это выпало на долю поколения, прямо скажем, в подобных масштабах – первого в мире, не стоит ли попытаться понять все сложности того поколения?..

Подлинная духовная работа всегда вершится медленно, трудно, подвергая себя ядовитым насмешкам скептиков и прагматиков, требующих ясный, сиюминутный результат сразу, вне оценки социального контекста. Что способно победить – изворотливая ложь, так или иначе проникающая в любого из нас, или же тот внутренний наш состав, именуемый Совестью, исторгающий из своих глубин сильнейшее противоядие всему безнрав-

ственному в мире, противопоставляющий ему – Слово? Попристальнее сопоставить его значимость значимости своей собственной, своей простоте и сложности – это ли не значит наиболее точно соизмерить координаты Нравственного Закона и – Слова? Не отсюда ли возникало учащённое использование в стихах религиозной символики? А она допускалась, что ни говори, тогдашней цензурой, хоть и была нередко лишь литературным приёмом – обозначением неизменных человеческих ценностей. – Скреп человека во времени...

Но не только же это!

Русским народом изначально вырабатывались свои духовные ценности. Христианство же, как государственная религия, сосуществовало с глубинным, языческим миротворчеством. Здесь, в древних корнях народных воззрений, в легендах и песнях заложена, на мой взгляд, та мощная традиция единения человека с космосом, со всеми его стихиями, которая так обидно бывала позабываема в светской литературе. Но до конца никогда традиция эта не прерывалась. Кроме того, что её продолжали великие писатели и поэты, она всегда жила в народном сознании, в народном творчестве. Да в каждом из нас подспудно живёт и поныне!

Но тут, в этом «поддоне», если быть до конца честным перед собою, перед своим внутренним, хтоническим Я, исчезает само понятие «совесть», исчезает порою и более древнее, более глубинное, «языческое» понятие – стыд. Остаются натяжения СИЛ – физики, красоты, ужаса, радости. Потому и кажется порою, что языческие, древние тексты – бесстыжи. Но если присмотреться получше, они не столько бесстыжи в современном понимании, сколько – непосредственны. Это мир в своей «варварской» целостности, не прошедший шлифовки позднейшими «моральными ценностями».

Что значат хотя бы те же детские игры, считалки? Воспоминания о страхах и радостях детской души. Всмотрись в себя, – они же и доньше протянуты тоненькой ниточкой через всю жизнь! А игры словом и действием – это же ни что иное, как архетипы нашего поведения во всей последующей жизни, разворачивающей в объёмные полотна маленькие детские наброски.

Попытка через первообразы мира проследить историю взросления человеческой души, музыкально навсегда остающейся в детстве, мне представлялись и представляются одной из поэтических задач в сегодняшнем продолжении древней традиции.

Продолжение следует...

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Татьяна Сычёва

Татьяна Михайловна Сычёва родилась 13 июня 1955 года в Пензе.

Автор нескольких книг прозы и стихов. Публиковалась в журналах «Сура», «Санкт-Петербургская искорка», в альманахах и коллективных сборниках.

Член Союза писателей России. Участница литературного клуба «Я сень».

Полёты души во сне и наяву

Каждый пишущий человек рано или поздно задаётся вопросом: откуда у него этот дар? Ведь часто бывает, что строчки словно диктует кто-то свыше, только успевай записывать, иначе забудешь. А бывает, они приходят во сне. Много зависит и от наблюдательности автора, и от трудолюбия, и от прочих разных причин. Как правило, у творческого человека раскрывается сразу несколько талантов. Он сам вправе выбирать, что для него важнее.

Так случилось и с нашим николевским автором Людмилой Павловной Захаровой. Если с её стихами я была знакома, то её рисунки стали для меня полным откровением.

Книга «Во снах о море» – образец слияния стихов и графики. «Стихи в графике» или «Графика в стихах» – можно трактовать, кому как нравится. Такой авторский приём встречается не часто. Читаешь текст, а взгляд тянется к рисунку, и наоборот. Несмотря на простоту и недостаточную выразительность некоторых строк, яркости им добавляют иллюстрации. Чувствуется, что автор в постоянном поиске. Есть в книге и классические и «авангардные» стихи.

Нет, неспроста Людмила назвала её «Во снах о море». Листаешь страницы и будто вдыхаешь морской солёный воздух:

Мне море снится по ночам...
Шторм на волнах меня качает.
Морскими звёздами печаль
Мерцает в глубине отчаяния.
«Мне море снится»

или:

Я по лунной дорожке
Опять прибегаю к тебе.
Мне ступать по волнам –
Легче, чем идти по судьбе.
«Бегущая по волнам»

Море – источник её вдохновения – не даёт ей покоя ни днём, ни ночью: «Приеду – упаду в тебя с разбега // И растворюсь в летящих брызгах пены... // Заворожённая, с улыбкою блаженной, // Я за волной бегу и счастлива от бега...». (Ожидание).

Любительница путешествий с рюкзаком и гитарой за плечами, она побывала в самых экзотических уголках России.

Путешествия – это тоже источник её вдохновения: «Я каждый день куда-то уезжаю. // Бегу из дома, будто где-то лучше. // И покупаю вновь билет до Рая... // Ночной вокзал, фонарь – немой попутчик». (Мотивы).

«Под стук колёс // Рождаются стихи, // Окрашивая серые штрихи // Однообразных будней»... (Просветление).

А эти строки, как губка, пропитаны тонким лиризмом:

Благоухает чай кипрейный.
Полынью поросла завалинка.
Я вспоминаю себя маленькой.
Ведь в детстве запахи острее!..
«На ветрах памяти»

или:

Хутор, хата, пёс лохматый
Тычет нос в пустую плошку.
Рыщет в холод, в лёд зажатый
Свет. Тепло в чужих окошках.
«Бездомность»

Ещё один «конёк» Людмилы – авторская песня. И здесь ей в помощь – туристические походы:

Межсезонье в Крымских горах.
Ночь палатки засыпала снегом.
Нас, усталых, окутала негой
И баюкает в звёздных мирах.
«Межсезонье»

или:

То ли дождь по палатке шуршит,
То ли листья ведут разговор...
Это утро – праздник души.
У души с сентябрём уговор.
«Кофе с дождём»

Вот они – её полёты души во сне и наяву. Читаешь и летаешь вместе с ней.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Елена Ноник

Ноник Елена Леонтьевна родилась 11 сентября 1963 года в Пензе.

Окончила Кузнецкое музыкальное училище, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина.

Печаталась в альманахах «Четверги», журнале «Сура».

Участница литературного клуба «Я сень».

Вселенская сказка

Было у Вселенной три сына: Математик, Химик и Мечтатель. Пока сыновья были маленькими, Вселенная не волновалась. Ну что может случиться? Прокатятся мальчишки на метеорите, так не ругать же их за это. Главное, чтобы хвосты кометам не отрывали. А как детки подросли, тут-то всё и началось! То туманности между собой перепутают так, что не найти ни конца, ни начала, то время в обратную сторону запустят, а то и вовсе звезду на запчасти разберут. Вот и решила Вселенная выделить сыновьям участок – пусть забавляются, да и ей спокойнее.

Стали братья думать, кто у них главным будет, и решили: кто сумеет других удивить, тот и главный. Открыл Математик сумку походную, достал ковёр да встряхнул. Посыпались с ковра звёзды, одна другой краше: великаны и карлики, холодные и горячие, яркие и тусклые. Засмотрелись братья, а Математик рукой начертил знак бесконечности и провёл замысловатую линию. Выстроились звёзды в математическом порядке.

Достал тогда средний брат, Химик, колбу, а в ней чернила чёрные. Встряхнул да и выплеснул их на поверхность одной звезды. Расползлись

чернила в кляксу, смотрят братья, а звезды то и нет. А клякса уже к другой звезде подбирается.

– Ты что делаешь?! – закричал старший брат на Химику, – этак твоя штука все мои звёзды погасит.

Рассмеялся средний брат, хлопнул в ладоши, и сдулась клякса в чёрную точку. Разбежались от неё звезды в разные стороны.

– Теперь их не остановить, – сказал Химик и посмотрел на младшего.

Улыбнулся Мечтатель и достал из-за пазухи маленькую жёлтую звёздочку. А потом бережно стал доставать и приставлять к ней шарики – планеты.

– Тоже мне, удивил, – фыркнул Математик, – одним единственным жёлтым карликом.

– Да уж, – добавил Химик, – и зачем этой крошке столько планет?

Ничего не ответил младший, лишь выдохнул облачко на ладонь и укутал в него третью от звезды планету. Занялась планета голубым светом, задышала. Засмеялся Мечтатель, раздвинул облако, да и шагнул внутрь.

Посмотрели братья, а планета-то живая.

– Проиграли мы с тобой, братец, – вздохнул Математик, – пойду-ка я за своими звёздами, посмотрю, есть ли конец света, а ты чем займёшься?

Средний брат задумчиво смотрел на голубую планетку:

– Я останусь. Очень уж любопытно посмотреть, чем дело закончится. Да и за моей чёрной точкой присмотреть надо.

Так и расстались братья. Правда это или нет, кто знает. А только летят куда-то в бесконечность звёзды, прячутся за ними чёрные дыры, и живёт маленькая голубая планета под жёлтой звездой.

Весенняя сказка

Небо было синим-синим, словно на него опрокинули все запасы ультрамарина. А в воздухе звенело что-то упругое, от чего хотелось улыбаться и скакать на одной ножке. Или просто стоять и смотреть, как катаются на калитке девчонки из детского сада. Марина оглянулась, не идёт ли кто следом, и прыгнула через лужу. Не допрыгнула до сухого места, поскользнулась, чуть не упала...

Девушка хмыкнула: хорошо, что никто не видел. Скакать через лужи в двадцать пять лет – не слишком серьёзное занятие. И тут на подоконнике углового дома она увидела Солнечного Зайчика. Он был таким пушистым и тёплым на вид, что Марина не выдержала и протянула к нему руку.

– Ты чего? – зевнул зайчик, приоткрыв глаза.

Девушка засмеялась:

– Привет, Солнышкин!

Зайчик подёргал жёлтыми ушами:

– А откуда ты знаешь, что здесь Солнышкин живёт?
– Догадалась, значит, ты у Солнышкиных живёшь?
– Я в зеркальце живу, и вообще, не мешай, я солнечные ванны принимаю, – с этими словами Зайчик закрыл глаза, превратившись в яркое пятно.

По дороге к дому Марина зашла в магазин и выбрала круглое маленькое зеркальце. Прилаживая его к окошку, она чему-то улыбалась. Может быть, тому, что у неё теперь будет жить свой Солнечный Зайчик? А может, потому, что теперь каждый солнечный день можно начинать со слов:

– Привет, Мартышкин!

Алёна Шомысова

Алёна Александровна Шомысова (08.12.1986) – поэт, переводчик, член Союза писателей России, лауреат литературной премии А. М. Лужикова. Окончила факультет национальной филологии Сыктывкарского государственного университета. Живёт в Сыктывкаре.

Зонтик

Как-то иду домой. Вот он уже на горе – величиной с мизинец. А всё-таки ещё далеко. Если бы у меня были крылья, один миг – и дома. А ножками топать и топать. К тому же в гору. Почему мы так далеко живём?

И тут я заприметила недалеко от дороги зонтик. Он был необычный, с куполом из белых цветочков. Я оторвала зонтик из травы. А он оторвал меня от земли и понёс прямо по воздуху! Сердце сразу же сбежало в пятки. Не думала, что будет так страшно. Но я быстро привыкла и даже пыталась махать одной рукой. Как однокрылая птица. Все дети запрокинули головы – я же не могу лететь молча. Смотрели на меня, разинув рты. А собаки, а собаки! Собаки захлебнулись от лая. Может быть, издалека я похожа на косточку?

Весь мир застыл от изумления. А я летела себе и думала: как удачно нашёлся этот зонтик. Теперь все захотят со мной дружить.

Авторский перевод с коми

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Святослав Кучер

Святослав Иванович Кучер родился 10.02.2006 г. в городе Пензе.

Учится в 8 классе МБОУ СШ № 4 г. Никольска.

Участник клуба поэтов «Рифма» (г. Никольск) и литературного клуба «Я сень» (г. Пенза).

Печатался в нескольких коллективных сборниках.

Лауреат и дипломант многих фестивалей и конкурсов в номинациях «авторская песня», «вокал», «хореография», в том числе Всероссийского фестиваля имени Валерия Грушина, Международного конкурса «Таланты России», лауреат 1-го Молодёжного православного патриотического фестиваля «Русь святая».

Бывало так

На море

На море радостно опять
И плавать, и в волну нырять.
Мне нравится в солёной глади
Со дна ракушки доставать.

Зачем домашний мне уют?
Мне нужен только волн приют.
Они, кружа в подводном танце,
Меня обнимут и собьют.

Потом поднимут и опять
Начнут мной, как мячом, играть.
Мне хочется всё выше, выше,
Над морем чайкою взлетать...

Морская звезда

Под водой, в морской пучине,
По неведомой причине,
Будто бы из ниоткуда
Появилось это чудо.

Родилась звезда на свет,
Той звезды прекрасней нет!
И сияет в глубине,
Не подвластная волне.

Крабик

Под камнем крабик притаился.
Тот крабик мне во сне приснился.
Блестит его красивый панцирь!
Боюсь, чтоб он не раздавился.

Его наивные глазёнки
Вращаются на ножках тонких,
Как перископы над волной,
Глядят с наивностью ребёнка.

Шторм

На море волны всколыхнулись,
Как будто монстры в них проснулись.
Всё дальше, дальше лижут берег –
Уже к причалу прикоснулись.
Кусают сахарные скалы –
Видны зубов морских оскалы,
Сжирая слюдяное сало.
В пучину грозную уносят.
И тянут щупальца свои
Меж мелкой галькой, под слои,
Достать там крабиков стремясь,
Дрожат извивами змеи...
Горят на шхуне Эльма свечи.
Беду те свечи предвещают
Тайфун, кружа, идёт навстречу.
И Монстры корабли калечат.

Туман

Туман седой поплыл над полем
И опустился над рекой.
На молоко похож он, что ли?..
Кисельный берег, вон какой!

Мне сказку сказывала няня,
Что на Руси бывало так:
Алёнушка скрывалась с Ваней
В туман, в кисельных берегах.

Ночь

Ночь опустилась над кварталом
Над парком старым и вокзалом...
Над парковкой, над больницей,
Над кафешкой «Трио пицца».
Не случилось бы здесь лиха...
Ночь идёт так тихо-тихо,
Как старушечка с клюкой.
Город спящий... тут покой...
Только я не сплю один –
Поэт и ночи господин.
Думать есть о чём, когда
Ритм наплывает, как вода.
Луна глядит кошачьим глазом,
И рифмы закружились разом.
Во тьме ночной сова кричит,
В калитку тихо сон стучит.
Мне спать уже давно пора...
Не отпускает от пера... Ночь...

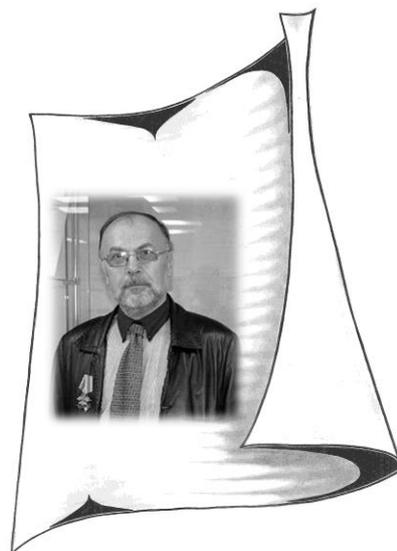
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «СУВОРОВСКИЙ ПОЛК»

Александр Кукаев

Александр Васильевич Кукаев родился 13 июля 1954 г. в Пензе.

Изобретатель, имеет несколько патентов: изобретения в области акустики музыкальных инструментов получили международное признание. Владеет двумя десятками специальностей. Исследователь древности Сурского края, народов России и их единства с Русским Миром. Эксперт по вопросам национальной безопасности.

Михаил Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов родился: 27 января 1953 г. в Пятигорске Ставропольского края.

Окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана, кандидат технических наук. Общественный деятель, доктор культурологии, президент ассоциации «Лермонтовское наследие», советник министра культуры РФ.

Проект «Сурский край родина героев и победителей»

«Музей спецназа всемирной казачьей славы имени М. Ю. Лермонтова»

Я русский! Какой восторг!
А. В. Суворов

Род Суворовых имел знание, что русы – русские – извечный духовно- и государствообразующий народ!

Фатьяновская и Балановская культуры от 3000 лет до н. э. R1a

Подтверждение божественной миссии реки Сура

1. Сура в Индии – место школы индийских Богов.
2. Сура в священном Коране – глава (стих) течения мысли Все-вышнего.
3. Сурья в индийской культуре – Бог Солнца.
4. Сурья – священный напиток древних славян.
5. Подтверждена гипотеза об исходе осознания Бога Единого АН с сурского края.
6. Данные примеры подтверждают исход индийской духовной культуры с реки Сура по 52 параллели через Аркаим!
7. Священный язык Индии санскрит – южный диалект русского языка. Следовательно, в глубокой древности сурский край говорил по-древнерусски!
8. Русский язык во всех его временных слоговых откровениях и диалектах является языком общения человечества со Вселенной.
9. РУССКИЙ – ЯЗЫК БОГА!
10. Поэтому мы имеем полное право толкования формулы СУРА от русских смыслов: «СУ» – течение мысли, «РА» – свет мысли знания в осознании Высшего Разума!
11. В древности во время служения посвящённых формуле РА и Всевышнему сурский край был закрытой для обычных людей территорией. Чужаков, заходивших на запретную территорию, убивали и бросали в омуты. Так наши предки сохраняли тайну «школы богов». Поэтому некоторые рода Кавказа называли реку Сура – могилой. Это объяснимо.
12. Получается, что Александр Суворов и Михаил Лермонтов тоже прошли «ШКОЛУ БОГОВ»? «Да!» – утверждаем мы. В древности богами называли героев, защищающих веру, народ и Отечество! Героев, которые не приспособивались, а смело обличали ложь и трусость. Именно так шли

по небосводу правды А. В. Суворов и М. Ю. Лермонтов. А. В. Суворов – БОГ ПОБЕДЫ!

Имени реки Сура более 7 тысяч лет.

Божественная миссия формулы Пенза

1. Пенза – в Индии Пенджаб/Пансаб. Пан – земной порядок осознания Бога Единого АН. АНгирас в Индии Рас посредник между небом, Богом Единым АН и Землёй.

2. Пенза – в Англии Пензанс.

3. Пенза – в Афганистане река Пяндж/Пандж, ущелье Паншер/Пан-сер. Сер=Рас.

4. Пенза – на Севере Камчатки река Пенжана, простонародное осмысление «ищите золото». Первично – ищите цвет и образ Всевышнего, подобное тому, что когда скандинавы видели раскалённую до цвета золота заготовку в кузнечном горне, звучало «пенс» – это сакральная память о прародине на реке Ра!

5. Идущие по 52 параллели принесли формулу ПЕНЗА на Дальний Восток. Возможно, это был род айнов, создавший культуру Японии, носители древнерусского языка.

<https://www.youtube.com/watch?v=yr7hdqnUaWU>.

6. Интересен факт, что прежде на острове Сахалин знали о реках Сура и Ворона.

7. Шляхта Польши из сармат, титул ПАН – Панса пришёл с сарматами в Польшу от нас.

Имени Пенза также более 7 тысяч лет

Где же родился А. В. Суворов? Там, где НАЧАЛО БОГА!

Примечательно, что когда в 1775-м у А. В. Суворова родилась дочь, кормилиц и няню для неё он вызвал именно из Маровки!

Судя по всему, казачий род В. И. Сурикова тоже вышел с реки Сура. Далее, через Дон, Самару попал в Сибирь. Фамилия СУРИКОВ сохранила память о прародине. Как и фамилия Василия Шукшина говорит о том, что их род вышел с реки Шукша! Духовная связь выходцев из сурского края показательна – сила духа, талант и любовь к Родине.

Род Лермонтовых – Лермантов имеет корни в Шотландии. Шотландцы, в свою очередь, имеют кельтскую основу – русов, во главе которых стояли казаки – сарматы Артура, русского князя-воителя Яр Тура, о чём пишут многие западные исследователи, в том числе доктор антрополо-

гии Кембриджского университета Ховард Рид, американский историк Риган Эйслер.

Шотландия – Скотландия. Сколоты – одно из названий славяно-русов, сынов Коло – Солнца! Боевой клич Сармат – Рас-Рос (позже превратившийся в УРА). Это клич дружин рюриковичей.

Английский историк рубежа 19–20 веков Томас Уильям Шор в книге «Происхождение англо-саксонского народа» на основании изучения древних названий британских поселений указывает на славянское происхождение многих из них.

Кельты – носители культа боевого топора (кельт – колун) до завоевания их римскими легионами Цезаря именовали себя русами, причём культ их жрецов друидов (друдж – дерево) был основан на поклонении ДРЕВУ МИРОЗДАНИЯ ДУБУ и проводился в дубовых рощах.

Лермант – формула мужского и женского начала цивилизации. АН-Ты – славяно-русы, что явлено мужским началом осознания Бога Единого АН!

Ман – евреи левиты, что явлено женским началом осознания Бога Единого АН! Культы первых иудеев кемантов полностью созвучны культуре друидов. Кеманты (киймеры анты) проводили свои культы в дубовых рощах! Жёлуди на юг были принесены с севера, с СУРСКОГО КРАЯ, откуда вышли расы – русы, кельты – русы, саки – сарматы, старейшины коптов – расы, старейшины древних евреев – расы.

Женское начало Раса – Сара – суть культуры Богородицы! Кто нервничает, услышав слово еврей, напоминаем: колено левитов – носители, как и русские, маркера крови R1a!

Макошь – Мокша также является хранительницей культуры Богородицы и формулы женского начала «ИН»!

Формула мужского и женского начала определяет миссию пророка, кем и являлся Михаил Юрьевич Лермонтов. Соединённое мужское и женское в одно целое – есть формула БРАХМАН, что явлено как: Б – Бог, Рах – рас, Ман – М – культура Богородицы, Ан – Бог Единый. Получается, что род Лермантов по сути относится к касте брахманов, которая вышла, как и рюриковичи, друиды и древние казаки, с рек Ра – СУРА! Это толкование предполагает, что изначально род Лермантов вышел из сурского края. В этом видится основная причина пребывания Михаила Юрьевича в Тарханах. Усадьба расположена на 52 параллели, линии, связывающей Землю с тонким миром Вселенной, которая подарила Михаилу Лермонтову дар провидения!

Если более полно изучить связь Лермантов с родом Стольпиных, обнаруживается закономерное продолжение всемирной ветви Рюриковичей. Доказанная родственная связь Лермантов с королём Артуром узаконит, что Лерманты – рюриковичи!

Усадьба Тарханы не простое место, а сакральное. Та – Ар – Хан: Хан арий – Ар – от рождения до смерти (Та). Хан, в свою очередь, титул древнейший. Х – Спаситель, Ан – Бог Единый, Спасение в осознании Бога Единого. Крест АНХ Египта подобная формула. Праздник Ханука соответственно. Причём рюриковичи расы Скандинавии знали о своём исходе с реки Сура. Северная традиция сохранила память о прародине. Кусок раскалённого металла из горна именовался пенс. Отсюда и множество названий с этим корнем. Пенза – древнейшая формула – место начала света огня тварения (варить – создавать – Сварог – Саваоф) души РА в осознании Всевышнего и Бога Единого!

Подтверждает наше видение цивилизационных законов, заложенных в основание мужского и женского начала, формула Салман – Соломон. Но Соломон был Салманом до воцарения. Царь – Сар, формула, определяющая верховенство, в итоге выходит Салмансар. Причём царь – вторичное толкование. До середины 19 века Царское село именовалось Сарское. Где Сар – Сер – Сир есть перевёрнутое РАС. Формула Салманасар = С Ал Ман Ас Сар. Где Ал – Алый цвет сошествия Света Светого Духа, Ман – женское начало, Ас – Богоподобный герой, Сар (царь) – мужское начало Рас! Жрецы древности – Расы представляли основу династии рюриковичей. Итак, мужское и женское начало – есть основа культуры сармат. Сар – Рас, Мат – культ поклонения Матери Богине. Обычная, на первый взгляд, игра шахматы, по сути, является глубоко зашифрованной космологической формулой. САН – есть изменённая СаАР – РАС, в шахматах король. МАТ – женское начало – королева. Получаем – САРМАТ! И это не удивительно, культура Индии (Раджа – Рас) вышла через Персию с сурского края, прародины элиты сармат. Причём 64 клетки шахматной доски – есть код нашей космической матрицы – 64 уровня посвящения. Мужское и женское начало, 32 + 32 – формула Звезды Велеса – Давида, выраженная в двух пирамидах! Все эти толкования причастны к тайне пророчеств рода М. Ю. Лермонтова, к тайне пророчеств побед А. В. Суворова, к тайнам мироздания и мироосознания.

Продолжение следует...

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

ВСПОМНИМ

8 сентября – день памяти Валерия Максимовича Токарева (1945–2018) – русского советского поэта.

Сура

Дане Лобузной

Река моей юности давней, Сура,
Ты смотришься в завтра, а я во вчера.
А чем же, Сура, ты мне так дорога?
Чем старше я, ближе твои берега.
Чем старше, теплее твои вечера.
Живу я на Волге, а снится Сура.
Я пил из твоих не скудеющих жил.
Я в детстве в деревне Суриновке жил.
С годами мы в детство впадаем, Сура,
И в голову всякая лезет мура:
Как будто бы время, что двинулось вспять,
Поможем у ходиков гирию поднять.

11 сентября – день памяти Александра Николаевича Радищева (31.08.1749, с. Радищево Пензенской области – 12.09.1802, г. Санкт-Петербург) – русского писателя, философа, участника Комиссии по составлению законов при Александре I, автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

18 сентября – день памяти Николая Павловича Задорнова (05.12.1909, г. Пенза – 18.06.1992, г. Рига, Латвия) – русского советского писателя и сценариста, автора книг «Амур-батюшка», «Капитан Невельской», «Далёкий край» и др., Заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР, Лауреата Сталинской премии.

«Театральная жизнь города и литературные традиции Пензенской области, я думаю, оказали влияние на формирование его интересов».

Клара Зилова, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.

25 сентября – день памяти Семёна Маркиановича Крутова (1919, с. Языково Бессоновского р-на Пензенской обл. – 1976, пропал без вести в лесах под Смоленском) – русский советский писатель:

Не затмить ни голоду, ни мукам,
Ни штыкам твой светлый образ, Русь!
Грозной песней, молниёю, звуком,
Даже пеплом я к тебе вернусь!

26 сентября – день памяти Алексея Николаевича Плещеева (04.12.1825, г. Ко- строма – 08.10.1893, г. Париж, Франция) – русского писателя, переводчика, литературного и театрального критика:

В 1890 году Плещеев приезжал в родовое имение при с. Чернозерье Мокшанского уезда Пензенской губернии, ныне Мокшанского района для принятия наследства, жил в Мокшане. В 1891 году пожертвовал деньги в помощь голодающим губернии. До 1917 года при Чернозерском училище была стипендия Плещеева.

Источник: <https://penzanews.ru/region/encyclopedia/9802-2009>

© Информационное агентство «PenzaNews»

Сельская песня

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
С нею солнце краше
И весна милей...
Прошебечь с дороги
Нам привет скорей!
Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

17 октября – день памяти Николая Гавриловича Чернышевского (02.07.1828, г. Саратов – 17.10.1889, г. Саратов) – русского писателя, публициста, литературного критика, революционера-демократа, теоретика утопического социализма, философа-материалиста.

Интересно, что фамилия Чернышевский была дана роду Гавриилы Ивановича по наименованию села Чернышева Чембарского уезда (Пенза), в котором в качестве крепостного когда-то он и проживал.

Сайт kunstru Русские люди в истории

18 октября – день памяти Ивана Фёдоровича Панькина (1 декабря 1921 с. Пылково Пензенской области – 1998, Тула) – российского и советского писателя фольклорного направления, члена Союза писателей СССР.

Сказы Панькина... это своего рода «литературные сказы», вымышленные писателем на основании многих рассказов и преданий о мастерстве тульского рабочего, о неизменно присущем ему чувстве человеческого достоинства... Каждый из них несёт читателю зерно народной мудрости, народных представлений о жизни, добре и справедливости, счастье и горе.

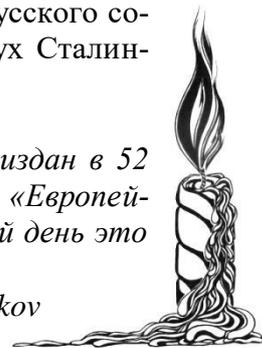
Агния Барто. Доклад о детской литературе на III съезде российских писателей 24 марта 1970 г.

20 октября – день памяти Фёдора Васильевича Гладкова (9 июня 1883 г., с. Большая Чернавка, Пензенская обл. – 20 декабря 1958 г., Москва) – русского советского писателя, классика социалистического реализма, Лауреата двух Сталинских премий.

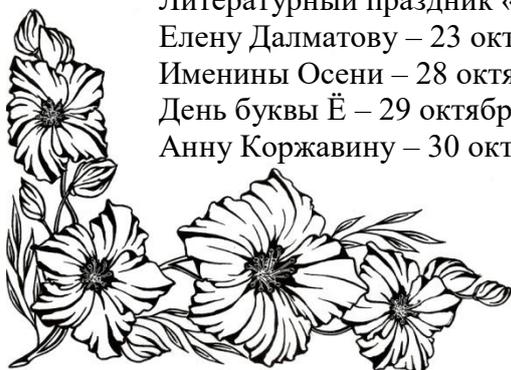
Роман «Цемент» был переведён на все основные языки мира и издан в 52 странах. В 1994 году роман Гладкова «Цемент» был издан в серии книг «Европейская классика» в Иллинойсе (США) на английском языке (на сегодняшний день это последняя публикация книг Гладкова).

livelib.ru: <https://www.livelib.ru/author/156981-fjodor-gladkov>

ПОЗДРАВЛЯЕМ с днём рождения:

Василия Брехова – 6 сентября
Тамару Городнову – 9 сентября
Елену Ноник – 11 сентября
Александра Пименова – 19 сентября
Галину Акимову – 21 сентября
Игоря Табакова – 3 октября
Литературный праздник «Белые журавли» – 22 октября
Елену Далматову – 23 октября
Именины Осени – 28 октября
День буквы Ё – 29 октября
Анну Коржавину – 30 октября

Журнал «Четверговая соль», литературный клуб «Я сень» при поддержке Пензенского регионального отделения Союза писателей России объявляет традиционный конкурс «Одно стихотворение года». Стихотворения принимаются с 1 сентября по 25 декабря 2021 года по электронным адресам lidiy2305@mail.ru, askorgav@mail.ru, gubernihllady@inbox.ru, ninavs@mail.ru

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

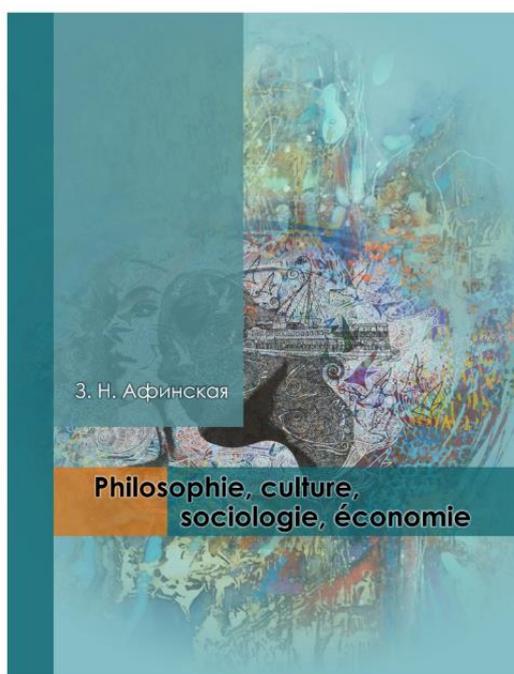
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

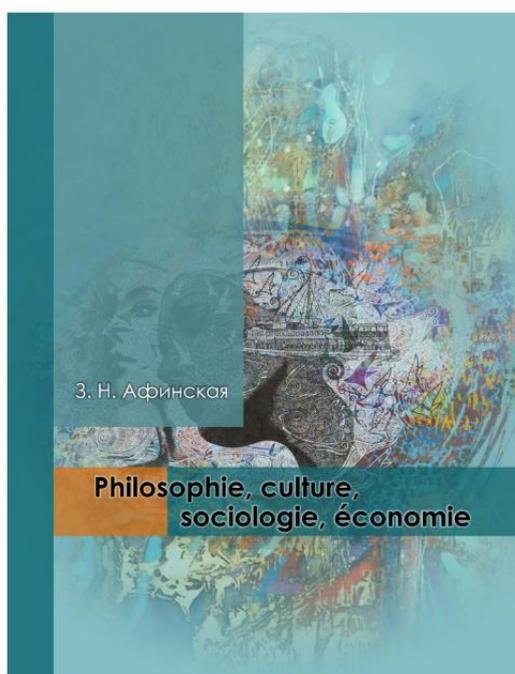
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору